Доктор Данилов в поликлинике, или Добро пожаловать в ад!

Автор:
Андрей Шляхов

Доктор Данилов в поликлинике, или Добро пожаловать в ад!

Андрей Левонович Шляхов

Доктор ДаниловПриемный покой

Мытарства доктора Данилова продолжаются. На это раз перед главным героем открывается закулисье обычной районной поликлиники. Медицина по-русски покажет вам свое истинное лицо. Вымогательство врачей, подпольные махинации, фальшивые больничные и круговая порука. То, о чем и не подозревают пациенты!

Автор сам работал врачом и не понаслышке знает то, о чем пишет.

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в поликлинике, или Добро пожаловать в ад!

«Нет у нас обязанности, которую бы мы так недооценивали, как обязанность быть счастливым».

Роберт Льюис Стивенсон

Глава первая

Новое поприще

– Мне очень интересно – каким образом инвалид войны, умерший в прошлом году, смог пройти диспансеризацию в году текущем? Причем не у одного врача, а у нескольких! Как это объяснить? Он воскрес? На диспансеризацию приходил его призрак? Или же вы просто сляпали эту диспансеризацию ради показателей и нагрузки? А знакомы ли вы со сто пятьдесят девятой статьей уголовного кодекса, в которой говорится о мошенничестве? Учтите, что мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, наказывается строже!

Главный врач обладал довольно невзрачной внешностью, но в гневе смотрелся грозно. Кустистые брови, являвшиеся единственной растительностью на голове, были сдвинуты, а глаза метали молнии. Настоящий полковник, то есть, если уж точно – подполковник запаса. И фамилия у него была подходящая – Загеройский.

– Что самое удивительное – ваша халтура прошла через компьютер, потому что по базе наш инвалид войны тоже числился живым!

– А может, он на самом деле жив? – не очень уверенно, но довольно громко предположил курносый блондин в мятом халате.

– Он мертв, Родион Иванович, мертвее не бывает! Скончался восьмого сентября прошлого года в госпитале для ветеранов и был похоронен на Николо-Архангельском кладбище.

– Вы были на его могиле, Антон Владимирович? – удивился блондин.

– При чем здесь могила?! – окончательно рассердился главный врач. – Давайте не будем превращать общеполиклиническую конференцию в балаган! О том, где похоронен Егоров, мне сказала его дочь.

– Вот так люди и палятся, – послышалось за спиной Данилова. – Думаешь, что он жив, диспансеризируешь его, а он, оказывается уже коня двинул…

– Максим Павлович! Если вам есть что сказать в свое оправдание, то скажите так, чтобы все слышали! – потребовал главный врач. – И выходите сюда, не прячьтесь.

Вальяжный мужчина с несколько брюзгливым выражением на красивом лице вышел вперед. «Такому бы в кино аристократов играть, а не по участку бегать», – подумал Данилов. Он повернулся лицом к залу, огладил рукой свою припорошенную сединой шевелюру и сказал:

– Ведь специально уточнял – не помер ли? Вышло, что жив. А на диспансеризацию не приходит. Это же нехорошо – и начальство расстроится, – Максим Павлович оглянулся на главного врача, – и проверяющие прицепиться могут. Я взял карту и провел… хм… диспансеризацию. Причем честно – ни единого рецепта не выписал…

– Это-то меня и насторожило, Максим Павлович, – перебил главный врач. – У нас все льготники только и бегают ко мне жаловаться, что им мало лекарств выписывают, а тут такое потрясающее бескорыстие. Терапевт назначает лечение и пишет: «От выписки рецептов отказался, сообщил, что имеет дома большой запас назначенных лекарств». Невропатолог и уролог пишут то же самое. Ну как тут не удивиться? Ой, думаю, интересная карта мне в руки попалась, надо позвонить товарищу Егорову, узнать – не закончился ли его запас. Я и позвонил.

– Кто ж знал? – Максим Павлович развел руками. – Больше никогда не буду так делать. Заявление в страховую компанию насчет ошибочно поданных данных я написал.

– Вы должны написать заявления на мое имя! Все, кто проводил эту, с позволения сказать, «диспансеризацию», пишут заявления на мое имя, а уже мы с главным бухгалтером будем обращаться в страховую компанию! Через полчаса после окончания конференции все заявления должны лежать у меня на столе! Больше напоминать не стану – кто не успеет сегодня, будет иметь дело со следователем! И скажите мне спасибо, что я обратил внимание на эту паленую карту! Ведь рано или поздно ваш обман раскрылся бы. Надеюсь, что все вы понимаете, насколько легко притянуть врача к ответу при подаче сведений об обслуживании покойника. Не надо ничего доказывать – бери да тащи на скамью подсудимых! Кому-то хочется посидеть на скамье подсудимых? Романтика в одном месте играет?

– Антон Владимирович, можно мне сесть? – спросил Максим Павлович.

– Садитесь, – разрешил Загеройский.

Сам же он, напротив, поднялся и принялся расхаживать перед столом, за которым продолжали сидеть две его заместительницы – по медицинской части и по клинико-экспертной работе. Обе они были женщинами за сорок, только заместитель по медицинской части поражала пышностью форм и обилием ярких красок на лице, а заместитель по КЭР, напротив, была тощей и совсем не пользовалась косметикой.

– И что мне теперь со всеми вами делать? – вслух размышлял главврач. – Даже лаборатория поучаствовала – в карте есть бланки с анализами крови и мочи, сданными уже посмертно. Не знаю… Спустить на тормозах не могу, а сурово карать рука не поднимается…

Загеройский, насколько было известно Данилову, ушел в отставку пять лет назад, однако армейскую привычку расхаживать перед строем и изображать «слугу – царю, отца – солдатам» сохранил.

– На первый раз все причастные получат по выговору без занесения, – объявил главный, останавливаясь и обводя подчиненных начальственным взором. – Если повторится…

– Двуликий Янус, блин, – прошептал кто-то из женщин, сидевших в последнем ряду. – Как будто не сам заставляет план «гнать»…

– Но за счет живых, Оксан, а не мертвых, – возразила ей соседка.

– Все по уму надо делать, – добавила третья. – Но если хочешь премию, то без липовых статталонов не обойтись.

– А теперь – о хорошем! – объявил главный врач. – С сегодняшнего дня у нас снова есть физиотерапевт – Владимир Александрович Данилов! Прошу любить и не жаловаться!

Данилов встал, повернулся налево, повернулся направо и уселся обратно.

– Красавчик, – оценил женский голос.

– Владимир Александрович – врач со стажем, – продолжил главный врач. – Работал на «скорой», потом был анестезиологом, а теперь решил переквалифицироваться в физиотерапевты.

– Оно и верно, – одобрил бородач в очках. – Физиотерапевтом куда спокойнее!

– Спокойнее всего – медицинским статистиком, – ответил Данилов.

Коллеги восприняли его ответ как шутку и дружно рассмеялись.

– А как будет работать наш новый физиотерапевт? – спросила полная женщина с круглым, похожим на блин лицом.

– Мы еще окончательно не определились, – ответил главный. – Но разумеется, принимать он будет только по направлениям от лечащих врачей. Пока по живой очереди и без талонов. Если нагрузка будет очень большой – введем талончики. Разумеется, прошу учитывать, что вас, дорогие мои, много, а физиотерапевт у нас один. Так что, не наглейте и не пытайтесь с первого дня сесть человеку на шею!

– Мы будем беречь доктора, Антон Владимирович! – крикнул с места кто-то из женщин. – Не волнуйтесь, от нас он не сбежит!

– Оставить разговорчики! – совсем по-уставному гаркнул Загеройский.

– Можно мне, Антон Владимирович? – спросила заместитель по КЭР, вставая и опираясь руками на стол, словно приготовившись к прыжку.

– Конечно, Татьяна Алексеевна!

– Я хотела бы поздравить Владимира Александровича с началом работы в нашей поликлинике и пожелать ему всяческих успехов…

Данилов поблагодарил кивком.

– Вам повезло! Вам посчастливилось попасть в поликлинику, славную своими традициями и своими кадрами…

– Татьяна Алексеевна! – главный врач выразительно посмотрел на висевшие над дверью часы.

Татьяна Алексеевна тут же умолкла и села.

– Теперь снова поговорим о плохом, – известил главный врач. – К сожалению, разбор жалоб, причем жалоб, «спущенных» из департамента, уже стал еженедельной традицией. Ни для кого не секрет, что сейчас зима. Люди ходят в зимней одежде и в зимней обуви…

– Опять кто-то плохо ноги вытер или куртку не снял? – спросил очкастый бородач. – И из-за этого в департамент писать? Ну народ…

– Народ пишет туда, куда ему вздумается, и никто не может этого запретить! Помните об этом! Любое ваше небрежение чревато жалобами. Сейчас этот процесс максимально упростился – даже на конверт тратиться не надо. Зашел на сайт департамента и прямо там нажаловался. Правда, вот, жалоба, о которой идет речь, написана по старинке на бумаге…

– Конечно, на бумаге, на чем же еще?! – высокая женщина лет тридцати вскочила на ноги и тряхнула рыжей шевелюрой. – У этого алкоголика Туркина не то что компьютера, у него и радиоприемника нет! Да, я не отрицаю – прошла к нему в комнату прямо в куртке и бахилы не надела! Так оно и было! Но почему? Да потому что куртку повесить было некуда, а на полу творился такой «армагеддон», что бахилы мне были ни к чему! Я порвала бы их сразу, ведь у Туркина весь пол усыпан битым стеклом и рыбьими костями! И он еще смеет жаловаться на то, что я не разделась? Вот гад!

– Не только не разделись, Светлана Владиславовна, но и обругали больного «грязной свиньей», «алкашом» и «глистой поганой», – напомнил главный врач. – Да еще при свидетелях.

– Свидетеля я вначале приняла за кучу мусора, – улыбнулась рыжеволосая Светлана Владиславовна, – Этот Туркин сам начал! Я его спрашиваю: «Зачем вызвал?», а он мне: «Давно секса не было!»

– Прям так и сказал?! – ахнули сразу несколько человек.

– Да, прямо так, – подтвердила Светлана Владиславовна, – и еще руки распускал.

– Нет, везет же Светке! – громко восхитилась дама, очень похожая на актрису Нонну Мордюкову. – А мне вот не разу на вызове секс не предлагали. Так вся молодость пройдет не за хрен собачий…

Зал так и покатился со смеху. Не смеялся только Загеройский и обе его заместительницы.

– А Туркин дождется – я на него заявление об изнасиловании подам! – пообещала Светлана Владиславовна.

– Так он изнасиловал или только предложил? – спросил бородач.

– Кончай балаган! – заместитель по медицинской части громко стукнула ладнью оп столу. – Еще одна шуточка, Борис Сергеевич, и я больше не буду ломать голову над тем, кого ставить дежурным на первое января.

– Молчу-молчу, Надежда Семеновна, – для надежности бородач зажал себе рот обеими ладонями сразу.

«Бой-баба! – подумал Данилов. – Конь с яйцами!»

– Надька нормальная тетка, – словно прочитав его мысли, сказал сосед. – Это она только с виду такая. А на деле – душевная и всегда в положение войдет, если не наглеть. Главная сукозмея…

– Кто, простите? – переспросил Данилов.

У соседа были замечательные голубые глаза – большие и яркие, и не менее замечательные густые усы пшеничного цвета.

– Сукозмея, – повторил он. – Помесь гадюки с шавкой. Так вот, главная сукозмея – это Пахомцева, зам по КЭР. Она прикидывается праведницей, но все дерьмо в поликлинике – ее розлива. Да, пора познакомиться, – сосед протянул Данилову ладонь, – Игорь Сергеич, уролог.

– Владимир.

Рука у Игоря Сергеича была словно отлитой из стали.

– Двукратный чемпион Минеральных Вод по армрестлингу! – с гордостью сказал уролог, скрещивая руки на груди. – Как мы с вами будем общаться – на «ты» или на «вы»?

– На «ты», разумеется, – ответил Данилов. – Так проще.

Укоризненный взгляд главного врача прервал беседу…

На выходе из зала Данилова поджидала секретарша главного по совместительству ведавшая кадрами.

– Владимир Александрович, мне нужен ваш диплом или его нотариально заверенная копия.

– Зачем? – удивился Данилов. – Разве при устройстве мы не соблюли все формальности?

– У вас нет личной печати. Я закажу вам печать.

– А нужна ли мне печать? – еще больше удивился Данилов. – Физиотерапевты же, насколько я понимаю, не выписывают рецептов?

– Случается, что и выписывают, – строго сказала секретарь. – Потом не исключено, что в эпидемию вас снимут с приема и бросят на участок, а там без печати никак.

– Буду надеяться, что сия планида меня минует, Юлия Павловна, но диплом вам завтра принесу.

– Не минует, не надейтесь. Как грянет гром – так всех гонят в поле, – Юлия Павловна покачала хорошенькой головкой, повернулась и пошла к себе, в приемную.

Данилов немного полюбовался ее точеной фигурой, а затем спустился по лестнице на второй этаж, где находилась отныне подведомственная ему физиотерапия. Владения эти были довольно велики – кабинет для приема пациентов, «четырехместный» кабинет электросветолечения (токи, электрофорез, магнитотерапия, ультрафиолетовое и инфракрасное излучение), трехместный кабинет теплолечения (озокерит, грязевые аппликации), водолечебница – две ванны и душ Шарко, крошечный кабинет лечебного массажа и небольшая комната, гордо именующаяся залом для занятий лечебной физкультурой. Из инвентаря в зале были только обручи и мячи.

Всем этим хозяйством заведовали две медсестры – Оксана и Лиза. Москвичка Оксана работала в поликлинике уже седьмой год и поэтому считалась старшей. Лизу, два года назад приехавшую в Москву на заработки из Торжка, подчиненное положение вполне устраивало. Пока в поликлинике не было физиотерапевта, больных направляли к «соседям», а Оксане и Лизе, чтобы не бездельничали, главная медсестра Светлана Георгиевна потоянно поручала все новую и новую работу, «дыры затыкала». Быть «затычкой» очень тяжело – сегодня сидишь в регистратуре, завтра ездишь на вечерние уколы, послезавтра сидишь на приеме с гинекологом, а потом неделю топаешь по участкам, чтобы снова вернуться в регистратуру. Обе медсестры так обрадовались приходу «своего» доктора, что угостили его чаем с пирожными. Данилов проникся – нахваливал пирожные, вдыхал аромат чая и расточал комплименты дамам. Обе они были очень симпатичными. Оксана – этакое «налитое яблочко» в чисто русском стиле, а Лиза – изящная, слегка томная брюнетка. Обеим – чуть за тридцать, обе не замужем.

– Вы, Владимир Александрович, пожалуйста, имейте в виду наши потребности, – Оксана игриво огладила себя по груди четвертого размера. – Холостым мужчинам побольше сеансов назначайте, ладно?

– Ладно, – благодушно согласился Данилов. – А разве за пределами поликлиники подходящего мужика не найти?

– Какое там! – хором ответили медсестры, скептически переглядываясь друг с другом.

– На улице нынче знакомиться не принято, а в клубах одни придурки! – скривилась Оксана. – В Интернете – одни маньяки!

– А в театры поодиночке только импотенты ходят! – добавила Лиза.

– Расклад мне ясен, – кивнул Данилов. – Можете не сомневаться – все кандидаты в женихи будут получать физиотерапии по максимуму. Только на свадьбу не забудьте пригласить!

– Непременно! – заверили медсестры, млея лишь от одного только слова «свадьба».

Данилов был рад тому, что сразу установил хорошие отношения с подчиненными. Отношениями с начальством он никогда особо не заморачивался, руководствуясь принципом: «как сложится, так и выйдет», но вот подчиненные – совсем другое дело. С ними надо ладить, считал Данилов, тогда работа не только спорится, но и оставляет приятное впечатление. Без лишнего панибратства, конечно, но и без всей этой чванной строгости: «я начальник – ты дурак» и «упал – отжался».

Данилов открыл дверь своего кабинета. Внутри было тихо и пусто. Оксана и Лиза еще не вернулись с конференции – явно побежали в курилку, в дальнем углу подвала и официально вовсе не существовала. Подразумевалось, что в медицинском учреждении курение неуместно. Существовали на этот счет и запрещающие приказы, но курилки они словно и не касались. Приказы – приказами, а подымить-пообщаться – это святое. Тем более что курилка находилась под высочайшим покровительством начальства – дважды в день – около десяти часов и примерно в половине третьего там можно было застать главную медсестру поликлиники с сигаретой в руках. Заботясь о своем здоровье, она курила только самый что ни на есть легкий «Парламент».

Едва Данилов сел за свой стол, намереваясь осмыслить впечатления от первого рабочего дня, как дверь приоткрылась, впуская в кабинет того самого курносого блондина, который задавал вопросы главврачу.

– Вы позволите? – церемонно спросил тот, останавливаясь на пороге.

– Пожалуйста! – Данилов привстал и указал рукой на стул, предназначавшийся для пациентов.

– Спасибо, – блондин сел, поерзал немного и, найдя стул подходящим, откинулся на спинку, одновременно закинув ногу на ногу. – Значит, работать у нас будете?

– Буду, – подтвердил Данилов. – Вернее – уже начал.

– Это хорошо, – неторопливо кивнул гость. – А нож у вас есть?

Данилов не сразу нашел, что и ответить. Принюхался, но запаха спиртного от блондина не уловил. Зрачки гостя были абсолютно нормальными.

– Есть. Дома есть ножи.

– Дома у всех есть, – снова кивнул гость. – Надо чтобы и здесь был.

– Зачем?

– Колбасу резать и сыр. Это мужская обязанность на праздниках, причем принято приходить со своим ножом. А если нож плохо наточен, то нарезка выходит неаккуратной. Магазинную нарезку мы не покупаем, она вся из просроченных продуктов. А вы покупаете нарезку?

– Иногда, – виновато улыбнулся Данилов.

– Никогда больше так не делайте, – посоветовал гость. – А штопор у вас есть?

– Завтра же будет! – пообещал Данилов. – И нож тоже.

– И стакан, – напомнил гость. – Или чашка. С посудой у нас туго. Понтярщик Башкирцев пьет из серебряной рюмки, доставшейся ему в наследство от прадеда, Межевова предпочитает небьющуюся алюминиевую кружку, а вы из чего любите пить?

– Из чашки.

– И крепкие напитки тоже?

– Я не пью крепких напитков, – ответил Данилов. – Совершенно утратил к ним вкус.

– А я, признаться, так и не приобрел этого вкуса. Но не жалею – зеленый чай нравится мне больше всего. Вы любите зеленый чай?

– Люблю.

– Он очень полезен, а с учетом моих обстоятельств – так вдвойне.

– А какие у вас обстоятельства? – с каждой минутой гость забавлял Данилова все больше и больше. – Если не секрет.

– Какой там секрет! – гость замахал руками, словно испугавшись самого этого слова. – Дело в том, что я местный рентгенолог и зеленый чай нужен мне для того, чтобы бороться с пагубными последствиями радиации.

– Что – так серьезно? – поистине сегодня Данилов только и делал, что удивлялся. – Мне всегда казалось, что облучиться больше рискуют рентгентехники, а не рентгенологи.

– Так-то оно так, – гость печально вздохнул. – Но и нам остается. Точнее – достается. Например – во время скопий.

– А средства защиты?

– Средства защиты весьма условны. Какой смысл надевать фартук, если он сам фонит? И нехило фонит. Кстати – меня зовут Родион.

– Очень приятно, Владимир, – представился Данилов.

Рукопожатия не последовало, никто не захотел лезть к собеседнику с ладонью наперевес.

Повисла пауза.

– А почему вы тогда работаете в рентгенологии? – поинтересовался Данилов.

– Тому есть много причин, – тоном былинного сказителя поведал Родион. – Во-первых, укороченный день и надбавки. Во-вторых, я не люблю слушать жалобы и принимать меры, а рентгенологу выслушивать жалобы и заниматься лечением не приходится. В-третьих. Мне нравится видеть, что у людей внутри. Это повышает мою самооценку.

– Последняя причина, должно быть, самая главная? – предположил Данилов.

– Естественно, – улыбнулся гость, именно поэтому я и назвал ее последней. – Кстати, Фантомас с вами насчет коррекции нагрузки уже беседовал? Тет-а-тет?

Данилову не составило труда догадаться, что Фантомасом сотрудники прозвали совершенно лысого главного врача. А вот термин «коррекция нагрузки» слегка озадачивал.

– Что за коррекция?

– То, о чем только что говорили на конференции. Чтобы поликлиника не бедствовала, нагрузка должна быть соответствующей. Ну, а если она не соответствует, то приходится ее «натягивать». Вот Фантомас каждого и просит об этом. Проявите, мол, сознательность, дорогой доктор, помогите родной поликлинике, да и себя премией обеспечьте. Та же система откатов, наш национальный вид спорта. Какая-то часть… забыл это прикольное слово…а! вот – какая-то часть привлеченных средств возвращается к вам в виде премии.

– Мы только что познакомились, а вы уже рассказали мне страшную тайну, – улыбнулся Данилов.

– Да бросьте вы! Тайну нашли. Это все знают и все так делают – приписывают себе нагрузку. Только, разумеется, не за счет покойников, а за счет живых. Да, вот еще что – эти живые не должны в день встречи с вами находиться в стационаре. При такой накладке спалиться, как два пальца о…осмотреть. Лучше всего собирать у докторов карты тех, кто сегодня был на приеме и добавлять туда свои записи. Короче говоря – по-любому привязывать свою запись к дате реального посещения пациентом нашей поликлиники. Это так просто.

– Учту, – пообещал Данилов. – Хоть и не уверен, что мне захочется ловчить с нагрузкой.

– А кому хочется? – Родион почесал подбородок. – Никому не хочется, но все так делают. Сегодняшний концерт в расчет не берите – у Фантомаса попросту не было другого выхода. Оставить все как было он не мог – рано или поздно обман бы раскрылся и в первую очередь попало бы ему. А так все нормально – выявил, разобрал, наказал, исправил. Никаких негативных последствий. И вдобавок поучил подчиненных уму-разуму – сначала убедись, что твой пациент жив, а потом уж его «обслуживай». Владимир, а вы женаты?

– Да, женат.

– Счастливы?

– Да.

– Не врете?

– Нет, не вру, – Данилов, которому непосредственность нового знакомого нравилась все больше и больше, еле сдерживал смех.

– Тогда я спокоен за вас. Вы не попадете под губительные чары одной местной русалки, – рентгенолог опустил ногу и медленно поднялся. – Я вам завидую.

«Забавный такой кадр», – подумал Данилов.

– А могу ли я узнать имя русалки? – спросил Данилов.

– Вы с ней только что беседовали. Это Юлия Павловна, секретарь главного врача.

«Уж не ревность ли привела тебя сюда?» – подумал Данилов.

– Очень красивая, очень умная и совершенно безжалостная женщина, – снова вздохнул Родион. – Меня гонит, других не привечает. Говорит, что обожает одиночество. Но ведь одиночество нельзя любить долго, вы согласны?

– Согласен – нельзя, – Данилов подумал, что, когда гость стоит, сидеть не очень вежливо и тоже встал.

– Заходите ко мне, – пригласил Родион, обернувшись от двери. – У меня всегда есть что обсудить. И кофе найдется. Достойный.

– У меня тоже есть кофе! – спохватился Данилов, осознав, что в роли хозяина он был не очень-то гостеприимным. – И тоже достойный.

– Значит, мы будем дружить домами, – улыбнулся Родион. – Вы, кажется, хороший человек, во всяком случае лицо у вас располагающее к общению. Здешний уролог тоже хороший человек, но он часто выпивает и тогда злится на всех, начинает считать обиды, строить планы мести. Тяжело слушать этот бред, но еще тяжелее наблюдать за тем, как человек спивается…

– К вам можно? – в дверь заглянула пожилая женщина. – Я по направлению!

– Можно, – ответил Данилов.

– Рад был познакомиться, – сказал Родион и, не дожидаясь ответа, вышел.

– Я была у невропатолога, а она сказала, что у нас, слава те, Господи, теперь есть физикотерпапевт, и дала мне направление на магнитную терапию, потому что я ее делала еще в Кисловодске в восемьдесят шестом году, когда был Советский Союз и никаким бизнесом и не пахло…

– Минуточку, – Данилов прервал словоохотливую пациентку, не желая выслушивать ее биографию, совмещенную с новейшей историей России. – Присядьте, пожалуйста, и дайте мне карту и направление.

– Вот, пожалуйста, доктор. Скажите, а у вас брат на «скорой помощи» не работает?

– Нет, – улыбнулся Данилов, пытаясь вспомнить, при каких обстоятельствах они могли встречаться раньше, но так и не вспомнил.

– А то похожи, как две капли воды, ко мне «скорая» часто ездит, потому что я вся насквозь больная. А как мне не болеть, доктор, если вся моя жизнь – одни сплошные несчастья? Сорок лет проработала на одном заводе…

– Нельзя долго работать на одном месте, – сказал Данилов. – Это существенно обедняет жизнь.

Пока озадаченная пациентка осмысливала услышанное, Данилов успел бегло просмотреть карту, по толщине не уступавшую телефонному справочнику и составить впечатление. Магнитотерапия так магнитотерапия. Низкочастотная. По двадцать минут каждый день аж целых три недели с перерывом на субботу и воскресенье. С почином вас, Владимир Александрович!

В самом конце рабочего дня Данилова решил навестить Игорь Сергеич, уролог.

– Я все жду, когда меня позовут, а у вас еще конь не валялся? – Покрасневшее лицо и характерный запах недвусмысленно свидетельствовали о том, что он уже изрядно навеселе.

– Куда позовут? – не понял Данилов.

– Как куда? Или по новым правилам проставляться не положено? Или ты ничего, кроме молока, не пьешь?

– Почему же – пью. Воду, чай, кофе. Иногда даже квас.

– Кодировался? – сочувственно спросил уролог.

Данилов порадовался тому, что в кабинете не было посторонних. Только Оксана сидела напротив Данилова (столы врача и медсестры по обыкновению стояли встык друг против друга) и приводила в порядок журнал инструктажа по технике безопасности.

– Нет, просто не употребляю алкоголь.

– А с виду – вроде нормальный мужик! – уролог покачал головой и, спохватившись, добавил: – Извини, я ничего такого в виду не имел.

– Все нормально, – заверил Данилов.

– Игорь Сергеевич сегодня явно заночует в кабинете, – сказала Оксана, когда уролог ушел.

– Быстро он, однако, набрался, – заметил Данилов.

– Имейте в виду, доктор, когда приходят проверки, Игоря Сергеевича обычно прячут в водолечебнице.

Оксана потянулась еще раз, и сделала это столь упоительно, что ее халат, казалось, вот-вот разойдется по швам. Увы, старалась она напрасно – Данилова куда больше заинтересовали ее слова.

– Кто прячет? – спросил он. – Зачем?

– Ну, чтобы не попался на глаза в пьяном виде, – Оксана закончила «гимнастику» и села в позу «примерная ученица» – прямая спина, ровно сложенные на столе руки, преданный взгляд устремлен на преподавателя, роль которого отводилась Данилову. – А приводит его кто-то из замов или Светлана Георгиевна, главная сестра. Водолечебницей ведь сроду никто не интересуется.

– Интересное кино…

– Это еще не кино, – покачала головой Оксана. – У меня сестра двоюродная в КВД работает, в отделении медосмотров, вот у них там недавно было кино. Рассказать?

– Конечно, раз начала, – улыбнулся Данилов.

– У них там вечные очереди, сами понимаете. Народ еще до восьми у входа топчется. И вот однажды в кабинет к доктору, с которым моя сестра работает, входит молодой человек в белом халате со стопкой медицинских книжек и каких-то бланков в руках.

«Анна Ивановна просила, чтобы это у вас полежало до ее прихода, – говорит молодой человек. – Она через полчасика будет». Анна Ивановна – это зам. главврача диспансера, между нами – та еще ведьма, поэтому и врач, и моя сестра и не стали спрашивать, зачем эти книжки-справки ей понадобились. В начальственные дела, сами знаете, лучше не лезть, особенно если своих собственных хватает. Короче – работают они себе, и вдруг народ начинает то и дело без спросу заглядывать в кабинет и многозначительно так поглядывать на доктора. Некоторые даже подмигивают, а самые наглые интересуются, долго ли им еще ждать.

Врач, разумеется, советует всем дожидаться своей очереди и в кабинет не ломиться. Слово за слово и разгорается скандал… так что бы вы думали? Оказывается, что этот парень в незадолго до появления в кабинете врача, прошелся вдоль очереди, тихонечко предлагая народу сделать дело без очереди и даже без осмотра. Триста рублей – и ты свободен! Представляете – многие клюнули.

– А чего бы им не клюнуть – он же был в белом халате. Свой в доску, сотрудник. Да и сумма небольшая – три сотни. Собрал он, значит, деньги и медицинские книжки, на виду у всех зашел в кабинет, почти сразу же вышел из него с пустыми руками и исчез навсегда…

– И много народу он облапошил? – поинтересовался Данилов.

– Сестра сказала – человек тридцать, не меньше. А то и сорок.

– Отличная афера, – оценил Данилов. – Тысяч десять–двенадцать за каких-то полчаса, и риска никакого. Никто же не побежит заявлять в милицию из-за трехсот рублей. Поорут себе в коридоре и успокоятся.

– Так и было, доктор, – подтвердила Оксана. – Поорали и разошлись. Пора бы и нам по домам…

На втором этаже было почти пусто – окулист и эндокринолог уже закончили прием, а невропатолог Маняка уехал «на адреса», то есть – к надомным пациентам. Небольшая очередь роилась около кабинета оториноларинголога Межевовой.

– Ухогорлонос быстро принимает? – волновался розовощекий мужчина в кожаных брюках и свитере нежно-голубого цвета.

– Быстро, быстро, – успокаивали его «постоянные клиенты». – Здесь, как на конвейере – раз-два и готово!

Межевова и впрямь принимала быстро, тратя на каждого пациента в среднем по три–пять минут. Заглядывала «во все положенные отверстия», быстро диктовала сестре, что выписать, черкала на листочке рекомендации и отдавала их пациенту. Так куда быстрее, чем объяснять одно и то же по сто раз, попусту теряя время.

На первом этаже набирал обороты скандал – сотрудница регистратуры в течение получаса не могла найти амбулаторную карту старика, чей пиджак был увешан медалями так плотно, что звенел при малейшем движении.

– Я обегал все кабинеты, был у старшей сестры и у заведующей… Нигде нет моей карты!

– И у меня ее нет! Я перерыла даже соседние участки! Ищите дома!

– Что значит – дома?! У меня нет привычки держать карту дома!

– Может, вы ее в другом месте забыли, а нас обвиняете!

– Где же я мог, по вашему, забыть карту?! В магазине?!

– В психдиспансере!

– На что вы намекаете?!

– Ни на что я не намекаю! Вы спросили, где вы могли забыть карту – я вам подсказываю…

– Почему вы хамите?! Я пойду к главному врачу!

– Скатертью дорога! Номер кабинета подсказать?!

– Подскажите лучше вашу фамилию!

– Федоткина моя фамилия!

– Очень хорошо! – шумно отдуваясь, старик направился к лифту.

Лет десять назад Данилов бы подумал нечто вроде: «Двадцать первый век на пороге, а тут карты, регистратура… Как будто нельзя компьютерную базу пациентов завести, а карты вообще упразднить». Сейчас же он просто оценил состояние старика, нашел его вполне удовлетворительным и вышел на улицу, про себя удивляясь тому, почему нельзя было тихо и мирно завести дубликат взамен утерянной карты. Мы не ищем легких путей…

Глава вторая

Несовпадение взглядов

Идею подал Никита. Недаром сведущие люди утверждают, что истина глаголет устами младенцев. Младенцем Никиту можно было назвать с большой натяжкой – хорош младенец, совсем немного отстающий в росте от Данилова! – но тем не менее Никита был самым младшим участником вечернего чаепития.

На чай он не обращал никакого внимания, методично расправляясь с купленными Даниловым пирожными.

– Тебе плохо не станет? – поинтересовалась Елена, когда на блюде остался лежать один-единственный эклер.

– Нет! – без тени смущения заявил ненасытный отрок и даже имел наглость уличить мать в прижимистости: – Что ты жадничаешь, там же еще одна коробка есть!

– Я не жадничаю, но всему должна быть мера…

– Вот моя мера – еще две штучки из новой коробки и все!

– В шестом классе я съел на спор двадцать примерно таких вот пирожных, – сказал Данилов, выкладывая на блюдо сладости из второй коробки. – В буфете кинотеатра «Ташкент» перед сеансом.

– На что спорили? – деловито поинтересовался Никита.

– Не помню уже, на какую-то мелочь… Но вот на сладкое потом с полгода смотреть не мог.

– А я тоже могу съесть двадцать штук! – оживился Никита. – Даже двадцать пять. Никто не хочет поспорить?

– Кто б сомневался? – фыркнула Елена. – Ты и тридцать схомячишь, не моргнешь.

– Растущий организм требует белков и калорий!

– Как бы у растущего организма не было гипергликемической комы! – вздохнула Елена.

– Ты больше одного пирожного не съешь, – вмешался Данилов. – Я съем парочку, не больше. На столе лежит целых пять. Так зачем портить человеку удовольствие?

– Значит, можно съесть еще два?

– Конечно! – разрешил Данилов. – Если будет мало, я, так уж и быть, дам тебе разок откусить от своего…

– Мы когда в детстве давали кому-нибудь откусить, надо было обязательно придерживать шоколадку пальцами, – вспомнила Елена, – а то были в классе крокодилы, которые за раз могли от шоколадки две трети откусить.

– Тяжелое у тебя было детство, – посочувствовал Никита, – одну шоколадку впятером ели. И мобильников у вас не было, и компьютеров…

– Что-то я не пойму – ты сочувствуешь или издеваешься? – Елена притворно нахмурилась.

– Я просто констатирую факт, – ответил Никита. – Сочувствовать нет смысла – ведь теперь у вас все это есть, а издеваться над родной матерью себе дороже.

– Это верно, – согласился Данилов. – Ты на удивление рассудителен.

– Что есть, то есть, – согласился скромный мальчик. – Недаром столько сладкого ем, глюкоза – она для мозгов очень полезна…

Данилов с Еленой рассмеялись.

– И нечего смеяться, – обиделся Никита. – Сами похвалят, а потом смеются. Я действительно хорошо соображаю. Вот, если бы я стал врачом, то я бы не работал ни на «скорой», ни в морге. Я бы занялся иглоукалыванием!

Никита не раз «примерял на себя» то одну, то другую медицинскую специальность, находя в каждой из них какую-то особую прелесть, поэтому Данилов сразу же спросил:

– Почему именно иглоукалыванием?

– Потому что это востребовано, прибыльно и клиенты ведут себя хорошо – не хамят и не качают права.

– Насчет востребовано и прибыльно более менее ясно, но объясни, почему клиенты не хамят? – сказал Данилов. – Хамство, насколько мне известно, иглоукалыванием не лечится.

– Лечится! Еще как лечится! Каждый клиент понимает, что не стоит злить врача. А то он выберет иголку потолще и подлиннее и как засадит ее в самую болезненную точку!

– Слушай, а это мысль! – одобрила Елена. – Не насчет иголок, конечно, а насчет физиотерапии вообще.

– Ну-у, если только допустить, что…

– Смотри. Работаешь с относительно компенсированными пациентами, это раз.

Елена подняла правую руку и загнула мизинец:

– Работа интересная, вдумчивая. Много методов, много возможностей. Это два. Никакой грязи, кроме лечебной. Это три. Нет ночных дежурств, это четыре. Работать можно где угодно, что с учетом твоего характера очень ценно. Это четыре.

– У меня такой скверный характер? – искренне удивился Данилов.

– Тебе неведомо понятие «идти на уступки», Вова. Каждый такой случай ты воспринимаешь как сделку с совестью и предательство идеалов. Скажу тебе, как администратор со стажем – ты очень неудобный сотрудник. Мина замедленного действия.

– Зато как член семьи – вполне на уровне! – вступился за Данилова Никита.

– Респект тебе за поддержку, – поблагодарил Данилов и обратился к Елене: – И ты считаешь, что это серьезная специальность?

– Это очень серьезная специальность! – Елена загнула последний, большой палец, выдержала паузу и опустила руку. – Оглянись по сторонам – скольким людям помогло правильно подобранное физиотерапевтическое лечение!

– Тебе помогало? – серьезно, без тени улыбки, спросил Данилов у Никиты.

– Если подзатыльники относятся к физиотерапевтическому лечению, то не очень, – так же серьезно ответил Никита. – Можно сказать – совсем не помогало.

– Я говорю серьезно, – по тону чувствовалось, что Елена слегка обиделась. – Можешь согласиться, можешь не согласиться, но издеваться не надо.

– Извини, Лен, я просто пошутил. Хотя, черт его знает, а вдруг…

– Учти, на всякий случай и то, что тебе не придется идти в ординатуру для того, чтобы стать физиотерапевтом. Будет достаточно трехмесячных курсов.

– Это большое преимущество, – согласился Данилов, буквально на днях оставивший ординатуру по патологической анатомии и не имевший никакого желания начинать всю эту двухлетнюю бодягу по новой. – Я подумаю…

Думать начал прямо в тот же вечер. Чтобы лучше думалось – вооружился руководством, сохранившимся у Елены еще со студенческих времен. Полистал, прочитал выборочно несколько абзацев и нашел, что в принципе это не самый плохой вариант. Прислушался к себе и понял, что Елена права – ему действительно хочется спокойной, не грязной и, при всем том, «умной» работы. Неправильно думают те, кто воспринимает врачей-физиотерапевтов в качестве диспетчеров, тупо назначающих то или иное количество процедур или манипуляций, рекомендованных лечащим врачом. Это в корне неверное представление. Врач-физиотерапевт знакомится с пациентом и его диагнозом, определяет показания и противопоказания для применения того или иного вида лечения, при необходимости вносит коррективы по ходу процесса, то есть – как и положено врачу, проводит лечение.

Через два дня Данилов снова вернулся к мысли о физиотерапии и на этот раз нашел ее если не превосходной, то вполне подходящей. Он снова взвесил все «за» и «против» и отложил окончательное принятие решения на следующий день. Сколько можно менять специальности как перчатки? Пора бы и остановиться на какой-то одной.

Стоило только Данилову сказать Елене, что он не прочь заняться физиотерапией, как та выдала ему план действий.

– Начинать следует с поликлиники, – сказала она. – С обычной городской поликлиники.

– Почему? – удивился Данилов. – А если мне хочется начать с НИИ травматологии и ортопедии?

– В НИИ травматологии и ортопедии с тобой никто не станет связываться. Там привыкли брать на работу готовых физиотерапевтов, да еще с опытом работы по специальности. А вот в поликлиниках с физиотерапевтами туговато. Да руку набить там проще, никто не будет стоять над душой и тыкать носом в собственные ошибки. Там же, кроме тебя, никто в физиотерапии разбираться не будет. А в институте – целое отделение с заведующим и более опытными коллегами…

– Ты права, – согласился Данилов.

Это только несведущие люди думают, что более опытные врачи просто спят и видят, как бы передать свой опыт врачам начинающим. В жизни же чаще всего бывает наоборот – опытные специалисты находят особое, изощренное, можно сказать, удовольствие в том, чтобы лишний раз, как выразилась Елена, тыкать новичков носом в их собственные ошибки, подобно тому, как тычут носом в лужу щенят и котят – знай, мол, свое место, салага. Данилов прекрасно понимал, что с его характером лучше набираться опыта в менее «академических» местах, но – городская поликлиника? А впрочем, почему бы и нет? Была же когда-то мысль о переходе со «скорой» на участок…

Запрягал Данилов долго, но ездил быстро. Всего неделя ушла на поиски нового места. Вдобавок ко всему, это место оказалось удобно расположено – пятнадцать минут на одном автобусе, затем пересадка и пятнадцать минут на другом. По московским меркам – не то чтобы рядом с домом, а просто рукой подать.

– В заявлении пишите «с тридцать первого августа», – велел главный врач.

– Да я, в принципе, могу выйти хоть завтра, – ответил Данилов.

– А что я с вами буду делать больше месяца? – удивился главный врач. – А так – тридцать первого устроитесь, а первого на учебу пойдете. Путевку мы подготовим. А там уже вернетесь готовым специалистом и приступите к работе.

Хозяин – барин. Оставшееся летнее время Данилов, к радости Елены, посвятил косметическому ремонту квартиры. Побелил потемневшие потолки, поклеил везде новые обои, раскидал по нужным местам несколько розеток, избавившись от вечно мешавшихся под ногами проводов удлинителей. Заодно купил досок и,

припомнив навыки, полученные на уроках труда, соорудил в комнате Никиты удобный и емкий стеллаж во всю стену. Порядка от этого у Никиты больше не стало, но Елену столярные навыки Данилова весьма впечатлили. Она сразу же потребовала сделать в спальне две полки, соединенные между собой перекладиной в виде английской буквы «зет», и расставила на них низкие глиняные горшки с какими-то неведомыми Данилову растениями. В перерывах Данилову удалось сдать квартиру матери. Жильцы – он, она и их семилетняя дочь – приехали в Москву из Мелитополя. Глава семьи был совладельцем автосервиса и мог позволить себе жить вольготно, снимая не комнату в коммуналке, а двухкомнатную квартиру с обстановкой. Он без звука дал задаток в размере месячной арендной платы и заверил Данилова в том, что будет поддерживать порядок и в том, что с ними «вообще проблем не будет». Данилов поверил – квартирант выглядел человеком, не бросающим слов на ветер. Короче говоря, располагал к доверию и общению. На предложение подписать договор квартирант ответил:

– Давайте не будем разводить бюрократию. Если не доверяете, лучше поищите других арендаторов.

Данилов не стал настаивать. По большому счету бумажка ничего не решает. Заплатил – живи, не заплатил – катись. Прихватил с собой микроволновку или телевизор – грех на твоей совести. Бежать по такому поводу с заявлением в милицию – только людей смешить…

* * *

На второй день работы Данилов, сам того не желая, нажил себе врагов. Сразу двух – участкового врача Коканову и заведующую женской консультацией Шишову.

Коканова направила к Данилову мужчину с диагнозом остеохондроза поясничного отдела позвоночника. Пациента беспокоили упорные боли в области поясницы, отдававшие книзу. Данилову предстояло решить вопрос о возможности проведения сеансов электроанальгезии, когда на область пораженных нервных корешков воздействуют током.

Данилов оглядел мужчину, одетого словно с чужого плеча, прочел на обложке карты его имя-отчество и спросил:

– В весе давно теряете, Михаил Евгеньевич?

– Да последние месяцы и теряю. Аппетит пропал. Ну, не хочу есть и все тут! Более двадцати килограммов потерял и сам не заметил как.

– А тошнота и рвота есть?

– Иногда, – поморщился Михаил Евгеньевич. – Но это уже таблетки виноваты. Я же их не пью, а просто жру пачками. А взять хотя бы тот же индометацин, так он для желудка…

– Раздевайтесь, я вас осмотрю, – предложил Данилов, вставая из-за стола.

– Зачем? – попробовал было возразить пациент. – Светлана Владиславовна меня только что осматривала.

– Я быстро, – пообещал Данилов.

Пациент нехотя разделся и дал себя осмотреть.

– Одевайтесь.

Данилов не увидел в карте записи невропатолога.

– А у невропатолога вы консультировались, Михаил Евгеньевич?

– Нет, все никак попасть не мог, – развел руками пациент. – Туда же не пробьешься просто так. А потом Светлана Владиславовна сказала, что мой случай простой, и невропатолог здесь нужен просто для галочки. Я и забил на консультацию, нельзя же каждый день с работы отпрашиваться.

Место работы и должность на карте исправлялось столько раз, что Данилову ничего разобрать не удалось.

– Кем работаете? – спросил он.

– Техником-смотрителем.

Данилов в задумчивости полистал карту и сказал:

– Подождите, пожалуйста, в коридоре. Карта пусть останется у меня.

– А что такое? – заволновался пациент. – Что-то не в порядке, а, доктор?

– Надо уточнить пару вопросов и все же проконсультироваться у невропатолога, – сказал Данилов, не желая раньше времени вдаваться в подробности.

Когда пациент вышел, Данилов нашел в списке, лежавшем под стеклом на его столе, телефон кабинета, в котором принимала Коканова, и снял трубку.

– Светлана Владиславовна? Доктор Данилов беспокоит, ваш новый физиотерапевт. Я по поводу Гераскина. Ваш диагноз остеоходроза вызвал у меня некоторые сомнения…

– С каких это пор свежеиспеченные физиотерапевты сомневаются в диагнозах, поставленных врачами, проработавшими на участке более семи лет?! – огрызнулась Коканова.

– Мой врачебный стаж не меньше вашего, – Данилову все стало ясно, за свою врачебную практику он не раз убеждался в том, что стажем хвастаются только дураки; чем еще дураку хвастаться? – И мои сомнения вполне обоснованны…

– Не смешите меня! У меня полный коридор народу! – Коканова бросила трубку.

– Светочка у нас с норовом, – сказала Оксана, наводившая порядок в ящиках своего стола. – Особенно, когда с мужем поцапается. А цапаются они каждый день. Зато после, – Оксана закатила глаза кверху, – так страстно любят друг друга! До полнейшего изнеможения!

– Оксана, давайте договоримся о том, что вы не будете впредь рассказывать мне подобные пикантные подробности. Они меня совсем не интересуют.

– Как скажете, Владимир Александрович, – поспешно согласилась Оксана. – Я просто подумала – как же это здорово, когда тебя любят до полного изнеможения, так, что и пальцем пошевелить сил нет…

– Погодите, будет и на вашей улице праздник! – обнадежил Данилов, водя глазами по списку в поисках телефона невропатолога.

Невропатолог по фамилии Маняка, в отличие от Кокановой, оказался человеком вменяемым.

– Я сам сейчас к вам подойду, – сказал он, внимательно выслушав Данилова. – А то вашего Гераскина у дверей моего кабинета очередь разорвет.

И не обманул – явился через три минуты, быстро, но толково осмотрел пациента, задал ему несколько вопросов и написал в его карте, что данных за остеохондроз нет. Порекомендовал сделать рентген поясничного отдела позвоночника и обследоваться у терапевта на предмет исключения онкологии.

– Спасибо, Олег Петрович, – поблагодарил Данилов доброго невропатолога и повел пациента к заведующей вторым терапевтическим отделением Ткаченко. Не к Кокановой же, в конце концов, его было вести. Еще пошлет матом от самых дверей – неловко перед пациентом будет.

Ткаченко, довольно суровая на вид, оказалась с понятием. Выслушала Данилова, расспросила и осмотрела пациента, почитала записи в его карте, а потом поблагодарила Данилова за бдительность и сообразительность. Окончательно сбитого с толку Михаила Евгеньевича оставила у себя в кабинете, сказав:

– Я вам сейчас выпишу направления на обследования…

В коридоре Данилов нос к носу столкнулся с Кокановой. Буквально – нос к носу, потому что роста они были одинакового.

– Что, уже успели Татьяне Ивановне наябедничать? – прошипела она, сверкая глазами.

Если бы не гримаса гнева, исказившая ее лицо, то Коканову можно было бы назвать симпатичной.

– Потрудитесь сменить тон, – ответил Данилов. – Я убил почти час на исправление вашей ошибки и не собираюсь выслушивать ваши упреки.

– Ошибок у меня не бывает! Запомните это, доктор.

– А как еще можно назвать длительное лечение рака прямой кишки под видом остеохондроза? – спросил Данилов.

Разговаривали они тихо, почти шепотом, чтобы не привлекать внимания посторонних, которых в коридоре хватало.

– Вы так за полчаса взяли и установили диагноз? – усмехнулась Коканова. – Может, и у онколога проконсультировали, скоропалительный вы наш?

– Я за это время показал пациента невропатологу и заведующей отделением, недалекая вы моя, – в тон ей ответил Данилов. – И оба они согласились, что не остеохондроз является причиной боли у Гераскина. Извините, мне некогда, да и у вас, кажется, очередь?

– Выскочка! – бросила вслед Коканова.

Ему очень захотелось обернуться и сказать на весь коридор пару ласковых, но Данилов сдержался. «Что она делала семь лет на участке? – подумал Данилов. – Ворон ловила?»

Тут он ошибся. Все семь, а точнее семь с половиной лет работы в качестве участкового врача ум доктора Кокановой был занят одной-единственной мыслью – как бы извлечь из своего не слишком завидного положения как можно больше выгод.

Выгоды могли быть самыми разнообразными – деньги, подарки, секс с приглянувшимся пациентом, заведение полезных связей. Жила Коканова легко, оттого и к пациентам своим относилась столь же легко – считая себя всесторонне грамотным врачом, выставляла любые диагнозы и под них уже

подгоняла симптомы. Так было проще, к тому же возиться имело смысл лишь с теми, кто мог быть благодарным или полезным, от всех остальных следовало поскорее отделываться.

– Медицина, как настольный теннис, – любила повторять Коканова. – Перебросили мне шарик – я его отбиваю на фиг. И так до тех пор, пока кто-то не стукнет ракеткой посильнее и шарику не придет конец.

В поликлинике Коканову не любили.

– Светка такая же дура, как и Овечкина, – заметил непосредственный рентгенолог Сабуров. – Только Овечкина добрая дура, а Светка вздорная и колючая. Вечно всем недовольна, вечно бухтит, вечно ей все должны.

Правда, когда Сабурову после выпитого хотелось поразвлечься, он приглашал к себе не добрую и флегматичную Овечкину, которой пошел уже шестой десяток, а более молодую и куда более темпераментную Коканову. Отпускал пораньше свою медсестру Людочку, запирал дверь и вел свою «Свету-конфету» в смежную с кабинетом смотровую, где, смотря по настроению, или заваливал ее на кушетку, или усаживал в кресло. За одним наслаждением всегда следовало другое – совместный перекур прямо здесь, в смотровой, после чего Коканова уходила, если не счастливой, то довольной.

Получив у заведующей очередную нахлобучку по поводу мнимого остеохондроза, Коканова возненавидела Данилова всей душой и жаждала мести. Для начала она пообещала себе, что будет отправлять на физиотерапию только самых скандальных и кляузных пациентов. Пусть этот выскочка узнает, почем фунт лиха! О, он еще узнает, он узнает, как зарабатывать себе дешевый авторитет на чужих промахах!

Вернувшись в кабинет, Данилов сразу же услышал:

– Ну, как там дела, Владимир Александрович?

Оксана закончила наводить порядок в столе и теперь сидела, подперев щеку рукой и отчаянно скучала без пациентов.

– Нормально, – ответил Данилов, не желавший вдаваться в подробности. – Пообщался с заведующей, она меня поняла.

– Трудно ей с Кокановой, у той что ни день – не понос, так золотуха. То больничный вызовет подозрения, то на прием опоздает, да не на пять минут, а на полтора часа, то с больными поскандалит… не доктор, а наказание.

– У каждого свой крест, – заметил Данилов, усаживаясь на свое место.

В дверь постучали.

– Входите! – крикнула Оксана.

– Здравствуйте, меня к вам направила Полина Викентьевна, – пациентка выглядела ухоженной и была не только хорошо, но и со вкусом одета. – У меня хроническое воспаление придатков, и она посоветовала мне магнитные импульсы…

– Присаживайтесь, – Данилов указал рукой на свободный стул. – Можно вашу карту?

– Вот, пожалуйста, – пациентка достала из объемистой сумки карту и протянула ее Данилову. – Полина Викентьевна сказала, что курс обычно состоит из десяти пятнадцатиминутных процедур…

– Да, она права, – Данилов раскрыл карту. – Расскажите, какие сопутствующие заболевания у вас есть?

– Да ровным счетом никаких, доктор, – отмахнулась пациентка. – Вы лучше скажите – можно ли будет вместо десяти пятнадцатиминутных сеансов получить пять получасовых? А то я в следующий четверг улетаю на Кипр.

– Можно провести пять обычных пятнадцатиминутных сеансов, – ответил Данилов. – Вряд ли целесообразно увеличивать вдвое время сеанса.

– Но так будет больше пользы! – горячо возразила женщина.

– Не уверен, – Данилов покачал головой. – Лучше давать импульсы столько, сколько положено. В конце концов сроки взяты не с потолка!

– А я настаиваю…

– Бесполезно, Екатерина Андреевна, – Данилов положил карту на стол. – Поймите меня правильно – я не вредничаю, я просто следую древнейшей заповеди «не навреди».

– А мне кажется, что вы вредничаете! – пациентка схватила карту, не глядя сунула ее в сумку и встала. – В последний раз спрашиваю – вы удовлетворите мою просьбу?

– Нет, – для того чтобы подчеркнуть окончательность и незыблемость своего решения, Данилов покачал головой.

– Тогда мы с вами встретимся в другом месте! – сверкнула глазами посетительница и ушла, гордо и многозначительно-угрожающе выстукивая каблуками нечто вроде: «по-го-ди! по-го-ди!».

– Если так пойдет и дальше, то вы к концу дня перессоритесь со всей поликлиникой, – сказала Оксана.

– Не надо каркать, – попросил Данилов. – Что я могу поделать, если у вас принято делать все не так, как надо?

– Приспосабливаться к обстановке.

– А если не хочется приспосабливаться? Если не вижу смысла?

– Тогда готовьтесь к проблемам.

Вскоре зазвонил «внутренний» телефонный аппарат. Он был единственным – «городских» в кабинетах не полагалось. «Городские» телефоны были только у начальства.

– Сто процентов – Шишова по вашу душу, – предрекла Оксана.

– Данилов слушает!

– Доктор, что вы себе позволяете?! – завизжала трубка. – Вы хоть знаете, кого вы оскорбили?!

– Сегодня я еще никого не успел оскорбить, – спокойно ответил Данилов. – Простите, а с кем я разговариваю?

– Это Шишова, зав. женской консультацией! У вас только что была Ильинская, которой я рекомендовала магнитотерапию!

– Была!

– И вы ее грубо прогнали!

– Не грубо и не прогонял. Просто попытался объяснить, что увеличение времени экспозиции вдвое не пойдет ей на пользу.

– Объяснили, называется! – Шишова еще больше повысила голос. – Вы у нас человек новый и многого не знаете! Я требую, чтобы вы немедленно пришли ко мне, извинились бы перед Ларисой Юлиевной и назначили ей все, как она хочет!

– Вы бредите? – поинтересовался Данилов.

– Вы и меня оскорбили! – констатировала Шишова и отсоединилась.

– Детский сад! – Данилов бросил трубку на место. – И это только второй день работы! Мать, мать и еще раз мать!

– Привыкайте, доктор, привыкайте, – посоветовала Оксана. – Правда, к такой скандальной бабе, как Шишова, нужен особый подход.

– Особый подход врач должен порой искать к пациенту, но не к своим коллегам, – поправил Данилов.

– А если нервы сдают? – улыбнулась Оксана.

– У меня тоже есть нервы, – сказал куда-то в пространство Данилов, не глядя на Оксану. – Только я стараюсь забывать об этом на работе.

– Сейчас к нам Пахомцева прибежит! – пообещала Оксана.

Она ошиблась – заместитель главного врача по КЭР не соизволила почтить строптивого физиотерапевта своим визитом. Пахомцева позвонила по телефону и пригласила Данилова к себе, попросив прийти побыстрее.

При появлении Данилова Пахомцева под каким-то благовидным предлогом услала из кабинета сестру, предложила Данилову сесть и начала:

– Владимир Александрович, вы у нас человек новый, и уже успели так прославиться.

– Чем именно?

– Своим упрямством и своей грубостью. Ну что вам стоило назначить ей эту несчастную магнитотерапию? Ну полежала бы она там полчаса вместо пятнадцати минут, и что? Мир бы перевернулся? Солнце упало бы на Землю?

– Для заместителя главного врача вы, Татьяна Алексеевна, рассуждаете как-то странно, – ответил Данилов. – У каждой физиопроцедуры есть свои показания и противопоказания, есть регламентированное время… Если мы начнем…

– Если мы начнем со скандалов, то мы очень быстро закончим, Владимир Александрович! У нас в поликлинике принято считаться с мнением коллег!

– Что-то по поведению Шишовой я этого не заметил, – съязвил Данилов.

– Речь не о Полине Викентьевне, а о вас. Кто дал вам право грубить и оскорблять? Вы хоть знаете, кто такая Ильинская? Она журналист газеты… впрочем, подробности неважны, важно ваше поведение.

– То есть, Татьяна Алексеевна, я должен был пойти на поводу у пациентки и назначить ей все, как она хотела? – изумился Данилов. – Удивительно!

– Ничего удивительного, Владимир Александрович! Вы так упираетесь, будто речь идет о двойной дозе дигоксина! Что такое эта магнитотерапия? Так – вспомогательная процедура. И потом, магнитные волны – это же не радиация! Вы понимаете ход моих мыслей?

– Начинаю понимать, – честно признался Данилов. – Странно только, что при таком положении вещей вам нужен в поликлинике физиотерапевт? Ведь каждый вправе назначать что ему заблагорассудится и как ему заблагорассудится. В чем тогда моя роль?

– Вот вы и выдали себя, Владимир Александрович! – лукаво улыбнулась Пахомцева. – Вам хочется постоянно подчеркивать собственную значимость, чувствовать себя в центре внимании, примерять на себя мантию благодетеля…

«И эта бредит! – с тоской подумал Данилов, – Эпидемия тут у них, что ли?»

Пахомцева говорила долго, то и дело теряя нить повествования.

Из ее речи Данилов выяснил, что он мелкое самодовольное ничтожество, осложняющее жизнь коллегам. Впрочем, Пахомцева использовала более мягкие определения, но суть ее слов сводилась именно к этому. И еще она несколько раз повторила словосочетание «несовпадение взглядов». Данилову постоянно приходилось сдерживаться – то его так и подмывало рассмеяться, то высказаться нецензурно. Оба варианта были неприемлемы.

– Я не призываю вас исправиться прямо сейчас! – пафосно закончила свою речь Пахомцева. – Я призываю вас задуматься, а к выводам вы придете сами.

– Это точно, – согласился Данилов. – Если задуматься, то выводы непременно появятся.

– Вы в бога веруете? – прищурилась Пахомцева. – В церковь ходите?

– В бога, наверное, верю, – после небольшой паузы ответил Данилов. – А в церкви почти не бываю.

– Вот! – Пахомцева погрозила ему пальцем. – Это вас нечистая сила вводит в искушение. Она же и в храм вас не пускает! Хотите, я вам духовника порекомендую?

– Спасибо, не надо, – отказался Данилов.

– Идите работать, – махнула рукой Пахомцева.

Круглое лицо в сочетании с круглыми глазами и маленьким носиком делали ее похожей на сову. Только сов принято считать умными…

«Ладно, ничего страшного, – подумал Данилов. – Привыкнут они ко мне, куда денутся».

К его огромной радости пациентка Ильинская не ждала его ни у дверей кабинета, ни в самом кабинете. Должно быть, она отправилась в какой-нибудь медицинский центр. Оно и к лучшему. Баба с возу – всем радость.

Данилов успел принять еще несколько пациентов, всякий раз ожидая нового скандала. Но видимо, там, наверху, сочли, что на сегодня с Данилова хватит.

Вечером позвонил Полянский.

– Как жизнь? – поинтересовался он. – Блаженствуешь?

– Не то слово, – ответил Данилов. – Не жизнь, а просто праздник какой-то! Боюсь, как бы не свихнуться от счастья.

– Что, так все плохо? – обеспокоился приятель.

– Нет, пока просто прикольно, – ответил Данилов и вкратце рассказал о скандалах сегодняшнего дня.

– Да все нормально, – подвел итог Полянский. – Ты, как и положено новичку, самоутверждаешься, а старая гвардия тебя обламывает. Такова жизнь.

– А у тебя что нового? – спросил Данилов.

– Есть кое-что, – многозначительно произнес Полянский. – Начинаю подумывать о женитьбе.

– А не рано ли? – в шутку усомнился Данилов. – Не очень ли ты торопишься с женитьбой в свои неполные сорок? И кто она, твоя несчастная избранница? Очередная студентка-аспирантка?

– Нет, она врач-стоматолог.

– Ты познакомился с ней на приеме? – продолжал ерничать Данилов. – Она, навалившись плечом на бормашину, сверлила тебе зуб, а ты в этот момент испытал оргазм и понял, что влюбился.

– Мы познакомились с ней на выставке американского плаката первой половины двадцатого века.

– Господи, Игорь, по каким злачным местам ты шляешься… – ахнул Данилов. – Могу я узнать – возле какого именно плаката вы познакомились?

– Я уже и не помню. Мне, честно признаться, выставка не очень понравилась. Но зато я познакомился там с Мариной…

– А ей выставка понравилась?

– Тоже не особо.

– Все ясно, Игорь. Вам было скучно, вот вы и нашли друг друга! Когда ты меня познакомишь со своей Мариной?

– Ну, как-нибудь… Новый год же скоро, вот на Новый год и…

– Не затягивай, – строго сказал Данилов. – Знакомство со стоматологом для меня очень ценно, особенно если это девушка моего лучшего друга, что означает скидки, а то и бесплатное обслуживание.

– Я-то думал, что ты хочешь разделить мою радость, – вздохнул в трубку Полянский. – А ты…

– Конечно, хочу! – заверил его Данилов. – Разделять радость – это мое любимое занятие. Давай в эту субботу куда-нибудь сходим вчетвером.

– На эти выходные мы уезжаем в Ярославль.

– Ты с ума сошел! Что можно делать зимой в Ярославле?

– Ходить по заснеженным улицам и разговаривать. Разве этого мало?

– Мне все ясно, Игорь. Начинаю откладывать деньги на свадебный подарок.

– Думаю, что у тебя будет время для того, чтобы накопить на что-нибудь стоящее, – серьезно заметил Полянский. Данилову стало ясно, что отложить деньги на подарок и впрямь не помешает.

– Полянский собирается жениться, – сказал Данилов Елене, как только она вернулась домой с работы. – Пора бы и нам решиться на этот ответственный шаг.

– Что за манера – делать предложение так вот мимоходом, даже не дав своей избраннице снять дубленку и сапоги? – шутливо возмутилась Елена.

– Вас понял.

Данилов помог Елене раздеться, а пока она мыла руки, схватил в комнате горшок с цветком и замер в коридоре. Как только Елена вышла из ванной, Данилов опустился перед ней на одно колено и, протянув горшок, сказал:

– Лена, будь моей женой!

Елена взяла горшок и сказала:

– Я согласна! Накорми меня ужином и веди под венец.

– Давай завтра же подадим заявление, – предложил Данилов. – У меня прием с одиннадцати, а в загсе есть знакомая. Так что если даже будет очередь…

– То нам она не помеха, – закончила Елена. – Только давай выберем другой день. Завтра в десять я должна быть у Гучкова.

– Что-то случилось?

– Не случилось, но скоро случится. Я стану директором региона.

Подстанции московской «Скорой помощи» объединены в несколько региональных зон, управляемых директорами. Директор одновременно заведует одной из подстанций своего региона.

– Нашего?

– Пока неизвестно. Думаю, что завтра утром я все узнаю.

– Тогда мы должны пожениться как можно скорее, – сказал Данилов, – пока ты окончательно не загордилась и не решила, что я тебе не пара.

Глава третья

Прививки и холера

Заветная тайна доктора Назарова была раскрыта случайно. С наступлением зимы в поликлинике началась очередная кампания противогриппозных прививок. Каждый участковый врач в определенный день вместо приема пациентов обходил с медсестрой организации, расположенные на своей территории, и предлагал всем желающим сделать прививку. Народ прививался слабо, считая, что без прививки грипп еще может пройти стороной, а уж если привиться, то точно заболеешь. Врачи особо не настаивали, ведь прививки – дело добровольное. Хочешь – закапаем тебе в нос вакцину, не хочешь – распишись в отказе.

В продовольственном магазинчике, принадлежавшем азербайджанцу по имени Нариман, доктора Голованову с медсестрой Юлей встретили крайне недружелюбно.

– Что за дела? – возмутился Нариман. – Разве есть такой закон, чтобы каждую нэдэлю приходить?!

– Мы не с проверкой, а с прививкой от гриппа, – попыталась объяснить Голованова, думая, что Нариман не так ее понял. – Прививки, понимаете?

– Я все прэкрасно понэмаю! У мэнэ диплом университета! Я знаю, что такое прэвивки!

– Если у вас диплом университета, то и ведите себя культурно! – возмутилась Голованова. – Нечего на нас орать, я сама на кого хочешь наорать могу! Объясните толком, в чем дело…

Нариман рассказал, что к нему неделю назад приходил доктор из поликлиники. Доктор был суров и непреклонен.

– Я говорю – нэ надо нам прэвивки! Нам и бэз них хорошо, выручка от прививки больше не станет, да! А он говорит: «Нэ будешь дэлать, будешь иметь дело с санэпидстанция». Очень мэнэ надо имэть дело с санэпидстанция! У меня и так все в порядке!

Голованова проводила взглядом стаю тараканов, неспешно пересекавших коридор в метре от них, и невольно улыбнулась.

– Это с улицы заходят, – перехватив ее взгляд, объяснил Нариман. – Кругом грязь, только дверь откроешь – сразу лэзут, да?

– Вы давайте дальше про прививки, – попросила Голованова. – Тараканы – это не наша компетенция.

– И нэ моя тоже! – на всякий случай сказал Нариман. – Дальше что? Дальше доктор говорит: «Давай вызывай нэработающую смену, им тоже прэвивки надо». Я говорю: «Люди дома отдыхают, как их можно бэспокоить». А доктор не такой,

как вы, ханум, ничего нэ слушает. Или всем прэвивки, или пойдет письмо в санэпидстанцию, и на следующей неделе чтобы я проверку ждал. Я говорю: «Давай по-хорошему», а он мне отвечает: «По-хорошему» это сколько?» Что делать, э? Немножко оказал ему уважение, все как полагается, он довольный ушел, улыбался. Думаю, все – пронесло. А сегодня смотрю – вы приходите. Опять прививки. Вы меня поймите правильно, я против того, чтобы ко мне две такие красивые женщины ходили, ничего не имею. Даже радуюсь. Но эти прививки у меня вот где сидят, – Нариман постучал ребром ладони по своей толстой шее. – При таком раскладе мне лучше один раз проверку из санэпидстация встретить, чем постоянно вашу поликлинику подогревать. Это же бэспредел получается!

– Наверное, к вам какой-то аферист приходил, – предположила Голованова. – Прививки – дело добровольное. Не хотите делать, распишитесь, что мы предлагали, а вы отказались и живите спокойно. По этому поводу мы никаких писем никуда не отправляем.

– Какой аферист! – возмутился Нариман. – Я что, вчера родился, чтобы аферистам деньги просто так давать. Настоящий доктор приходил, я его в поликлинике видел, когда к урологу ходил. На третьем этаже он сидит, рядом с туалетом кабинет.

– С мужским туалетом или с женским? – уточнила Голованова.

– С мужским. Я как раз туда заходил, а доктор у дверей стоял.

– А как он выглядел?

– Пожилой уже, брунет, очки такие солидные с толстыми стеклами…

– Назаров, – узнала Юля.

– Назаров, – подтвердила Голованова. – А доктор один был или с медсестрой?

– Один.

В соседней парикмахерской повторилась почти та же самая история. И здесь успел побывать доктор Назаров. Причем получил с хозяйки не только деньгами,

но и натурой – попросил подстричь его, разумеется, забесплатно.

– Ну, Назаров, ну, прохиндей! – возмутилась Голованова. – Как только додумался до такого?

– В тихом омуте черти водятся, – заметила Юля.

Следствие, проведенное Головановой, установило, что Назаров добросовестно окучил все мелкие объекты на ее участке, проигнорировав только стоматологическую клинику.

– А чего ему здесь ловить? – сказала Юля. – Здесь эти понты с обязательными прививками и письмом в санэпидстанцию не прокатят, народ грамотный, права свои знает. Еще и в поликлинику нажалуются.

– Я сама нажалуюсь, – пообещала Голованова. – Тоже мне – деятель. Нет, Юль, я все понимаю – хочешь подкалымить, подойди ко мне и предложи вместо нас выйти на прививки по нашему участку. Мы бы сейчас свои дела делали бы, а он свои, то есть наши. Это было бы справедливо. И плевать бы я хотела на то, с кого он что получит. Мне своих денег хватает. Но действовать вот так, за моей спиной, чтобы я потом ходила и выслушивала все эти вопли… Нет, за такое надо наказывать!

– Карать, Любовь Петровна! – поправила Юля.

– Да, верно, – согласилась Голованова. – Карать! Нет, но кто бы мог подумать…

Доктор Назаров, одинокий и оттого весь какой-то неприкаянный и неухоженный, работал в поликлинике пятый год. Администрация была им довольна – толковый, на работе не пьет, не отказывается от беготни по чужому участку, если возникает такая необходимость, пациентам не хамит. С коллегами Назаров почти не общался, в празднествах и отмечаниях не участвовал. Пришел – отработал – ушел. Ходили слухи, что он кодировался и оттого предпочитает избегать соблазнов.

Голованова не поленилась вернуться с участка в поликлинику (новость была слишком хороша для того, чтобы дожидаться завтрашнего дня) и рассказать все

заместителю главного врача по медицинской части Литвиновой.

На следующее утро доктор Назаров был вызван в кабинет главного врача, где верхушка администрации (главврач и оба заместителя) устроили ему перекрестный допрос с пристрастием. Не выдержав давления, Назаров «раскололся» и рассказал, что «внеплановую прививочную деятельность» практиковал уже три года. Вначале действовал на своем участке, затем потихоньку стал окучивать и чужие. Поначалу действовал осторожно – ходил на «левые» прививки (от самых разных заболеваний, начиная со столбняка и кончая бруцеллезом) лишь в промежутках между официальными прививочными кампаниями. В этом же году Назаров совсем потерял совесть и, совершенно закономерно, пострадал из-за своей наглости.

– Вы вот так приходили и говорили, что пришли делать прививку от бруцеллеза, и люди вам верили? – всплеснула руками Пахомцева. – От бруцеллеза же прививают только животных!

– Это мы с вами знаем, Татьяна Алексеевна, – скромно улыбнулся Назаров. – Я еще и от лихорадки Цуцугамуши прививать ходил. Какая разница? Все равно ведь никто не прививается. Все откупаются, потому что боятся заболеть от прививки…

– Как вам вообще пришла в голову такая мысль, Дмитрий Ефимович? – спросил главный врач.

– Совершенно случайно, Антон Владимирович, – Назаров явно надеялся откровенностью заслужить прощение. – Пришел я как-то на прививки в магазин, а мне там за то, чтобы я их, значит, не беспокоил, предложили колбаски копченой, брынзы и даже… э-э-э… литровую бутылку водки не пожалели. Я обрадовался, а пока домой в автобусе ехал, подумал – эх, почаще бы так. Ну и придумал всю эту затею.

– Она вам дорого обойдется, эта ваша затея, – нахмурилась заместитель по медицинской работе. – Очень дорого. Как минимум…

– Разрешите мне сказать, Надежда Семеновна, – перебил главный врач. – Дмитрий Ефимович, возьмите у секретаря бланк и напишите заявление об увольнении по собственному желанию сегодняшним числом. Затем собирайте

вещи, возвращайтесь сюда за трудовой книжкой, и чтобы через час и духа вашего не было в поликлинике! Надежда Семеновна, распорядитесь, чтобы восьмой участок разделили между другими врачами.

– Хорошо, Антон Владимирович, сейчас распоряжусь…

Около полудня Надежда Семеновна появилась в кабинете главного врача и сказала:

– Вся поликлиника просто гудит, как улей, Антон Владимирович. И все, в том числе и я, восхищаются вашей добротой. Дать этому проходимцу возможность уйти по собственному желанию – это настоящий христианский поступок!

– Какая тут доброта, – усмехнулся Загеройский. – Скорее инстинкт самосохранения. Придай мы этому делу официальную огласку, так получили бы по шеям заодно с Назаровым.

– Да, конечно, – согласилась Литвинова. – Несколько лет у нас под носом творилось такое, а мы ни сном, ни духом. Спасибо Головановой.

– Я думаю, что в премию мы учтем ей это, – пообещал главный. – И попросите заведующих отделениями получше следить за тем, что творится на участках. Чего доброго, участковые аборты на дому начнут делать, а мы с вами ничего и знать не будем.

– Насчет абортов не знаю, Антон Владимирович, но вот то, что в двести тридцать пятой поликлинике два участковых врача наркотиками торговали, это факт. Позавчера обоих арестованы.

– У Анны Федоровны доктора торговали наркотой? – удивился главный врач. – Откуда такая информация?

– От самой Анны Федоровны. Только что разговаривали.

– А что за врачи?

– Один из Рязани, а другой москвич. Никто не мог подумать, что они промышляют наркотиками.

– А про Назарова мы могли подумать? В душу ни к кому не заглянешь. Анна Федоровна переживает?

– Да нет, не особо. Они же не в поликлинике товар брали, а где-то на стороне. Правда, отделение сразу без двух врачей осталось, да еще зимой…

До Данилова история с Назаровым дошла в несколько искаженном виде.

– Один из наших докторов ходил по магазинам и представлялся сотрудником потребнадзора, – рассказала Лиза. – Проверял медкнижки, интересовался прививками, совал свой нос во все углы и без хорошей взятки не уходил.

– Интересный способ. И что теперь ему грозит, этому мнимому инспектору?

– Уволился он сегодня.

– Разумное решение, – одобрил Данилов и начал прием.

Если первые два пациента (пенсионерка с бронхиальной астмой и молодой человек с травмой голеностопного сустава) выглядели совершенно обычными, то о третьей посетительнице сказать этого было нельзя.

Молодая женщина, которой на вид нельзя было дать больше тридцати лет, вошла в кабинет, не спрашивая разрешения, уселась на стул, приставленный сбоку к столу Данилова, положила на край стола свою сумочку и заявила:

– Я очень плохо себя чувствую, а кругом такие очереди… Я увидела, что у вас никого нет, и решила обратиться к вам.

– Очень хорошо, – сказал Данилов. – Можно вашу карту?

– Я не смогла дождаться своей очереди в регистратуре, доктор. Там столько народу…

Выглядела посетительница на все сто – прямо хоть женись. Свежее лицо, которому тонкий, едва заметный макияж придавал выразительности, естественный цвет кожи, спокойная речь, размеренное, нисколько не учащенное дыхание, обычные зрачки. Данилов принюхался, но кроме приятного запаха духов, ничего не уловил.

«Сумасшедшая? – подумал он. – Вроде как не похожа…»

– Что же вас беспокоит? – спросил он.

– Слабость, рвота, расстройство стула, – так же спокойно ответила женщина. – Ах, да – еще небольшая температура. Не выше тридцати семи и пяти…

– Давно?

– Два дня уже. Как прилетела из Индии, так и началось… И все хуже да хуже… Ах, еле дошла до поликлиники.

– Какие еще жалобы?

– Больше никаких, доктор.

– Хроническими заболеваниями страдаете?

– Нет, не страдаю.

– Живете по нашему району?

– Да, Рязанский проспект дом двадцать, корпус один, квартира сорок.

– Лиза, запишите, пожалуйста, – попросил Данилов.

– Фамилия, имя, отчество, год рождения? – выпалила Лиза, пододвигая к себе чистый лист бумаги.

– Джуринская Инга Аркадьевна, семьдесят четвертый год рождения.

– Дата?

– Второе июня…

– Раздевайтесь, пожалуйста, Инга Аркадьевна, я вас осмотрю, – Данилов встал и достал из кармана халата стетоскоп.

– Сейчас, – томно ответила женщина.

Она встала, но вместо того чтобы раздеться, подошла к раковине и склонилась над ней:

– Меня сейчас стошнит!

Тут до Данилова дошло, что он стал участником проверки, посвященной действиям медицинского персонала при обращении больного с особо опасной инфекцией.

– Потрудитесь тошнить не в раковину, а на пол, – сказал он.

– Почему? – обернулась Инга Аркадьевна.

– Чтобы не распространять ваши холерные эмбрионы по городской канализации.

– Верно, – Инга Аркадьевна уселась обратно и попросила: – Излагайте ваши дальнейшие действия.

– Закрываем кабинет, не выходим сами, не выпускаем вас и никого не впускаем. По телефону извещаем администрацию. Для рвоты и естественных отправлений предоставляем вам ведро. Собираем эпиданамнез и подробнейшим образом переписываем всех контактных…

– Спасибо, достаточно, – женщина достала из сумочки блокнот и ручку. – Ваша фамилия Данилов и вы физиотерапевт?

– Все верно.

– Пятерка вам, – улыбнулась она. – Признайтесь, коллега, поначалу приняли меня за сумасшедшую?

– Ну… было дело.

– Ладно, всего вам доброго, – проверяющая встала. – Только не трудитесь обзванивать поликлинику с предупреждениями. Ни я, ни мой напарник, который сейчас сидит у кого-то из участковых, по другим врачам не пойдем.

– Не будем, – затрясла головой Лиза, но стоило только женщине выйти, как она тут же позвонила главной медсестре.

– Светлана Георгиевна, а нас сейчас по холере проверяли… Поставили пятерку… Гвоздицкий?.. Прямо так и сказал?.. Ужас! – Лиза положила трубку и сказала Данилову: – А Гвоздицкий прокололся – выставил проверяющего из кабинета, сказав, что блевать надо в туалете. Теперь выговор получит. Ну, да ему не привыкать к выговорам.

– Такой запущенный случай? – удивился Данилов.

– Он слишком уж неравнодушен к мужчинам, – улыбнулась Лиза. – За это и страдает.

– К кому он неравнодушен – его личное дело, – ответил Данилов. – С каких это пор за ориентацию дают выговора?

– Гвоздицкому их дают не за ориентацию, а за излишнюю активность. У нас работал невропатолог Горобцов, тоже гей, но тот был нормальным человеком – не путал любовь с работой. Нет, если чувство возникает между двумя сотрудниками, – Лиза лукаво подмигнула Данилову, – то это нормально, как вы считаете?

– Совершенно нормально, – согласился Данилов. – Да и между врачами и пациентами – это тоже нормально. Все зависит от случая.

– Если взаимное чувство и вообще все в рамках, то – да. Но Гвоздицкий не такой. Он реально пристает к больным во время приема. Просто домогается.

– Прямо так и домогается?

– Прямо так. Всех молодых мужиков заставляет снимать штаны и устраивает им полный урологический осмотр. Я с ним как-то, пока вас не было, сидела на приеме, так не знала куда глаза деть. Придет на прием парень с трахеитом, а Михал Михалыч ему яйца пощупает, за хобот подергает и говорит: «Ого, как тебя природа наградила! Давай мы с тобой в баньку сходим, а я тебе за это больничный на неделю продлю».

– И что дальше?

– Да ничего, – Лиза пожала плечами. – Некоторые возмущались и бежали жаловаться на четвертый этаж, двое вежливо сказали, что подумают, а один хотел морду набить прямо в кабинете… Да от него то и дело мужики бегают к Пахомцевой или Литвиновой с вопросом насчет того, почему у доктора Гвоздицкого при любой болезни осмотр ограничивается одной областью – паховой. А у Гвоздицкого одна отговорка – региональные лимфоузлы пальпирую на предмет осложнений. Как же, видела я эту пальпацию регионарных лимфоузлов! Одной рукой держит, другой поглаживает и еще мне подмигивает, оцени, мол, размер. Не знаешь, куда глаза деть.

– А вы не преувеличиваете?

– Нисколечко. Можете у его медсестры Светки Давыдовской спросить. Она уже привыкла к этой порнографии…

Данилов вспомнил доктора Жгутикова, подстанционного любителя погладить и пощупать. Правда, Жгутиков интересовался только женщинами и не на приеме, а на вызовах, но в целом его поведение ничем не отличалось от поведения врача, про которого рассказывала Лиза.

– А почему его держат на работе? – удивился Данилов. – Если все так запущено?

– Так ведь желающих идти на участок немного, – скривилась Лиза. – А у Гвоздицкого других грехов нет. Не пьет, не прогуливает, больничными и рецептами не торгует. И грамотный доктор – пневмонию с панкреатитом не путает. Тут же, в нашей конторе, какой принцип? Что имеем, тому и радуемся. А

к вам Гвоздицкий еще не подкатывался?

– Да мы вообще-то и не знакомы, – признался Данилов. – Я его и в лицо-то не знаю.

– Высокий, представительный, седая шевелюра, очки в тоненькой позолоченной оправе, – описала Лиза. – Его бабки часто за главного врача принимают. Главный-то наш с виду санитар санитаром… С вами не сравнить.

Лиза снова подмигнула Данилову.

«То одна соблазнительно намекает, то другая, – усмехнулся про себя Данилов. – Не поликлиника, а какой-то питомник любви, водоворот роковых страстей!»

– Наверное, Лиза, вы слишком хорошего мнения обо мне. Я ведь старый женатый зануда, не более того.

– Обожаю старых женатых зануд, – Лиза подалась вперед всем телом. – Они такие милые.

– Может, сменим тему? – грубовато предложил Данилов, чувствуя, что Лизу начало заносить.

– Как скажете, – надулась Лиза и до конца дня общалась с Даниловым только по работе.

«Да, Владимир Александрович», «Нет, Владимир Александрович», «Хорошо, Владимир Александрович». Данилова ее напускная суровость изрядно веселила.

За делами Данилов совсем забыл позвонить Елене и узнать, чем закончилась ее утренняя встреча с начальством. В итоге Елена позвонила сама:

– А я-то думала, что тебе не терпится узнать мои карьерные новости, – сказала она.

– Да тут то проверка, то еще чего… – смутился Данилов. – Короче говоря, суета сует. А у тебя есть хорошие новости? Поставили директором региона?

– Не директором, а исполняющей обязанности.

– Один черт. Прими мои поздравления. А куда?

– На Юго-запад. Прежний директор не справился, так что мне придется приводить все в порядок. И в регионе, и на подстанции.

– Справишься, какие проблемы, – утешил Данилов. – Я в тебя верю. Как будем отмечать?

– В январе, когда приказ будет подписан, – охладила его пыл Елена. – Пока что я продолжаю работать на старом месте и делать вид, что ничего не знаю. А что у тебя за проверка на первой неделе работы?

– Не поверишь – провокация по особо опасным инфекциям. Детский сад, одним словом.

– Вечером расскажешь, – Елена отключилась…

Возле кабинета окулиста в часы приема всегда было неспокойно – шумно и как-то скандально, но сегодня на вышедшего из кабинета Данилова обрушилась настоящая лавина воплей.

– Участники войны проходят без очереди!

– Беременные тоже проходят без очереди!

– А я, например, ликвидатор, так что мне теперь по головам лезть?!

– Женщина, отойдите от дверей!

– Да какая она беременная?! У нее даже живота не видать!

– Тебе справку показать, корова старая?! Из женской консультации?

– Покажи, покажи!

– Вот тебе справка!

– Хамка!

– От хамки слышу!

– Сейчас моя очередь!

Данилов набрал в грудь побольше воздуха, чтобы призвать скандалистов к порядку, но в этот момент открылась дверь кабинета окулиста.

– Мария Сергеевна просит всех заткнуться! – сообщила выглянувшая в коридор медсестра. – Иначе она прекратит прием.

Очередь моментально успокоилась.

– Спасибо за понимание, – поблагодарила медсестра и захлопнула дверь.

«Строго у них, не побалуешь», – подумал Данилов.

– Владимир Александрович, а что, вы не спешите праздновать окончание первой рабочей недели? – спросила Лиза, только что вышедшая в коридор.

– Да что там праздновать? – удивился Данилов. – Три дня всего проработал.

– Все равно! – Лена заперла дверь на ключ и обернулась к Данилову: – Это были самые спокойные ваши денечки. Со следующей недели народ попрет косяком…

– Так это хорошо, – улыбнулся Данилов. – Скучать не придется.

– Можно подумать, что сегодня нам было скучно! – фыркнула Лиза и ушла не прощаясь, давая тем самым понять, что Данилов еще не заслужил прощения или заслужил, но не полностью.

На первом этаже Данилов встретил Пахомцеву.

– Слышала про вашу холеру, – сказала она. – Спасибо, что не опозорили поликлинику, как этот разгильдяй Гвоздицкий!

– Мне поставили пятерку, ему, насколько я понимаю, двойку, так что средняя оценка по поликлинике четверка с минусом, – улыбнулся Данилов. – Можно жить!

– Администрацию не удовлетворяют четверки с минусом! – возразила Пахомцева. – Нам нужны пятерки. Вы вот человек новый и не знаете, что в прежние времена наша поликлиника считалась лучшей поликлиникой Волгоградского района! Эту высокую репутацию нельзя терять! Нельзя ронять планку!

«Интересно, а тогда тоже говорили: «Мария Сергеевна просит всех заткнуться!» или такая простота в общении персонала и пациентов возникла уже в наше время?» – подумал Данилов.

С высокой планки Пахомцева перескочила на пользу вегетарианства, но развить эту тему не успела, потому что в кармане ее халата зазвонил телефон. Данилов мысленно поблагодарил своего спасителя и поспешил уйти.

Если физиотерапия за время учебы понравилась ему окончательно, то поликлиника не понравилась с самого начала. Данилов не видел в этом ничего страшного, в последнее время он вообще ни в чем не видел страшного. Поликлинику он рассматривал всего лишь как место для накопления опыта, не более того, а опыта здесь можно было набраться неплохо.

– Какой-то неприятный у нас физиотерапевт, – сказала Пахомцева главной медсестре, когда та на своей «шкоде» подбрасывала ее до метро. – Чувствуется, что с большим гонором, а я так не люблю высокомерных людей.

– У каждого свои тараканы, Таня, – вне поликлиники Пахомцева и Баринова обращались друг к другу без церемоний – по именам и на «ты». – Мне этот Данилов нравится. Он хоть толковый и ответственный, вон вчера из второго отделения ему не до конца ясный случай направили, так он обратил внимание, проконсультировал больного у Маняки и за руку привел его к Ткаченко. А другой

бы и внимания не обратил…

– Это он себя показать хочет, – скривилась Пахомцева. – Нет в нем смирения, одна гордыня. А от таких людей все проблемы.

– Мне кажется, что ты многого хочешь…

– Разве я многого хочу? До пенсии спокойно доработать да дочери хорошего мужа наконец найти?

– Сколько я себя помню, ты его все ищешь…

– Что делать, одни алкаши кругом и такие, как наш Гвоздицкий! А с Даниловым мне будет не до спокойствия… Он мне вчера уже успел свинью подложить…

– Тебе?

– Ну, не совсем мне, а Шишовой…

– А, насчет этого я в курсе. Ничего, бывает.

– Знаешь что, дорогуша?! – взвилась Пахомцева. – Такие вот «ничего» чреваты последствиями! Странно, что ты перестала это понимать! К сотрудникам мэрии надо относиться с особой предупредительностью, мало ли чего! Шепнет такая вот недовольная кому-то там на ушко – и пойдем мы с тобой на участок! Ты же помнишь, наверное, как слетел Пробойников?

Пробойников был главным врачом сто восьмой больницы, что называется – человеком на своем месте. Больница и ее главный врач были на хорошем счету в департаменте. До тех пор, пока однажды в приемном покое не оказался один из приближенных московского мэра, которого угораздило попасть в аварию прямо напротив больницы.

Сотрудники приемного отделения быстро оказали пострадавшему помощь, но не проявили при этом должного уважения. Кто-то даже позволил себе высказывания в стиле: «побыстрей пошевеливайся!» Ну не привыкли люди обслуживать сливки общества, что тут поделать?

Двумя днями позже Пробойников сдал дела новому главному врачу и улегся в кардиологию, переживать случившееся.

– Помню, как не помнить, – он теперь в Люберецкой городской больнице приемником заведует.

– Да ну! – не поверила Пахомцева. – Вот уж венец карьеры!

– Это не венец, а пипец карьеры, – хмыкнула Баринова. – А что ему оставалось делать – в пятьдесят два года дома сидеть? Так он же еще пенсию не выслужил.

– Вот видишь, как бывает, – тон Пахомцевой стал назидательным. – А ты говоришь… Такой вот Данилов отколет номер, а мы все пострадаем.

– Ну так поговори с ним, – предложила Баринова.

– Я говорила, только он меня не понял, – Пахомцева вздохнула. – Не поворачивай, я немного пешком пройдусь.

– Как скажешь, – Баринова остановила машину у кромки тротуара. – Давай, Тань, до завтра. А с Даниловым поговори еще раз, поспокойнее. Ты небось налетела на него в своей манере, вот он тебя и не понял.

– Понял, очень хорошо понял, только признаваться не захотел, – сказала Пахомцева, выбираясь из салона на тротуар. – Спасибо, что подвезла.

Сложившееся у нее мнение о новом физиотерапевте пересмотру не подлежало. Самолюбивый наглец, одержимый гордыней, не заслуживал ни понимания, ни снисхождения. От него надлежало избавиться как можно скорее, в конце концов это без зама по консультативно-экспертной работе поликлиника работать не может, а без физиотерапевта – запросто.

До этого Пахомцевой попадались правильные физиотерапевты – тихие женщины, преимущественно – предпенсионного и пенсионного возраста. Они не вмешивались в чужую работу и никому не создавали проблем, а просто назначали процедуры и вели положенную документацию.

Пахомцева решила действовать своим обычным способом – по поводу и без повода изводить Данилова придирками и не оставлять этого занятия до тех пор, пока Данилов не подаст заявления об уходе.

Данилов в это время сидел за кухонным столом и уминал яичницу, совершенно не подозревая о том, какие грозовые тучи сгущаются над его головой. Впрочем, если бы даже и подозревал, то аппетита бы не утратил, разве что поперхнулся бы со смеху.

Глава четвертая

Один день из жизни главного врача

Двое хмурых мужчин в мятых костюмах способны испортить настроение прямо с утра. И от того что они ждут тебя не в темной подворотне, а в приемной, спокойствия не прибавляется. Скорее даже наоборот. От тех, что караулит по подворотням, можно откупиться наличностью из кошелька, а вот от тех, кто в приемной, такой мелочью не отделаешься.

– Вы ко мне? – спросил Антон Владимирович.

По понедельникам он приходил на работу к двенадцати, потому что в первый день недели главные врачи во всех городских поликлиниках столицы сидят на работе до восьми вечера в качестве дежурных администраторов. Таковы традиции – по понедельникам дежурит главный врач, а в остальные дни – его заместители или заведующие отделениями.

– Если вы главный врач, то к вам, – ответил тот, который выглядел старше своего напарника.

– Проходите, – пригласил Антон Владимирович, берясь за ручку двери. – Юля, десять минут меня ни для кого нет.

Последней фразой он намекнул незваным гостям на свою великую занятость.

В кабинете гости синхронно извлекли из внутренних карманов красные книжечки, отсалютовали ими и невнятно пробурчали свои должности, имена и звания. Затем, не дожидаясь приглашения, уселись за стол для совещаний и выложили на него одну за другой три медицинские книжки.

– Посмотрите и скажите – ваших рук дело?

Антону Владимировичу пришлось встать, чтобы дотянуться до книжек. Он подгреб их к себе и принялся внимательно рассматривать. Гости терпеливо ждали.

– Не наших рук это дело, – наконец сказал главный врач. – Во-первых, оттиск штампа поликлиники у нас четкий, а здесь он какой-то расплывчатый. Во-вторых, врачей с фамилиями Бугайцев и Калязина у нас нет и на моей памяти не было. В-третьих, штампик флюорографии у нас совсем другой… Нет, не у нас лепили.

– Нам надо взять образцы оттисков и опросить кое-кого из сотрудников, – сказал старший, пряча книжки в карман. – И интересно было бы узнать, как у вас обстоит дело с контролем за выдачей справок и заключений.

– Собственно говоря, основа этого контроля – люди, сидящие «на печатях», – людей «на печати» Антон Владимирович всегда подбирал лично и по рекомендации. – Валентина Митрофановна раньше работала в отделе кадров режимного предприятия, а Зельда Ароновна была секретарем у одного из моих предшественников. «На печати» она ушла только потому, что не смогла освоить компьютер – при взгляде на монитор у нее начиналась мигрень. Это очень надежные работники, не вертихвостки какие-нибудь, они не дают печати в чужие руки и не ставят их на неведомо чьи подписи. Им я могу верить, как себе.

– Скажите, а разве они никогда не болеют? – спросил более молодой.

– Конечно болеют, хоть и не часто. Но в подобных случаях «на печати» садятся или моя секретарь, она же наш кадровик, или главная медсестра поликлиники. Случайных людей на печатях не бывает никогда, это исключено. Круглая печать поликлиники хранится у меня или у кого-то из моих заместителей.

– Куда ни придешь – везде на словах полный порядок! – сказал тот, что постарше. – А чуть копнешь – столько повылезает…

«В среду надо будет прочистить мозги народу насчет справок и книжек, – подумал главный врач. – Чтобы были в тонусе и понимали, что их ждет в случае поимки».

– У нас пока, слава богу, ничего не вылезало, – сказал Антон Владимирович. – Если ко мне больше нет вопросов, то я поручу Юлии Павловне сопровождать вас и оказывать содействие…

Оставшись в одиночестве, Антон Владимирович запер дверь на ключ, включил компьютер и проверил свои страницы на трех сайтах знакомств – нет ли где новых писем? Из дома Антон Владимирович на сайты знакомств не заходил, опасаясь непонимания со стороны законной супруги, верной спутницы жизни на протяжении вот уже тридцати лет.

Увы, за выходные было получено всего одно письмо от женщины, скрывавшейся под ником strastnayaprelestt. Судя по анкете, Страстная Прелесть была очаровательной чувственной толстушкой, любящей веселые компании и умевшей искренне радоваться жизни. В открытом доступе висела всего одна фотография Страстной Прелести, валявшейся в черной комбинации на смятой, вроде бы как шелковой простыне, алого цвета. Антон Владимирович выругался про себя, удалил письмо не читая, а саму отправительницу заблокировал. Видно же, что идиотка, да еще с претензиями. Идиотками с претензиями был забит весь рунет, но Антон Владимирович все надеялся на знакомство с красивой, доброй, нежной, нетребовательной и одинокой женщиной с пригодным для встреч жильем. Он верил в свою счастливую звезду и знал, что рано или поздно отыщет свой идеал.

Примерно раз в месяц ему казалось, что идеал найден, но разочарование настигало его уже на первых минутах свидания. Или по фотографиям кандидатки в идеалы хорошенько прошелся фотошоп, или она сразу же пыталась диктовать свои требования, или же честно признавалась, что приехала в Москву из Омска и живет в одной комнате с тремя подругами, а про двухкомнатную квартиру в Свиблово попросту наврала для солидности. Вдобавок буквально все кандидатки так активно интересовались финансовым положением «финансового руководителя среднего звена» (именно так представлялся Антон Владимирович), что сразу же становилось ясно – кроме

денег, их ничего не интересует. А Антону Владимировичу, сохранившему в душе увядшие ростки романтики, хотелось искренних, совершенно бескорыстных отношений, основанных на родстве возвышенных душ. Сам он считал себя натурой возвышенной и даже не чуждой поэзии. При желании мог прочесть наизусть есенинское «Письмо к матери» или пушкинское «Я помню чудное мгновенье».

Когда в приемной нет секретаря, стража и помощницы, о покое можно забыть. Больше всего Антон Владимирович ценил свою Юлю за то, что она освобождала его от ненужных дел, то есть от тех, с которыми мог справиться кто-то другой. Больше всего проблем доставляли не сотрудники поликлиники, которые давно были выучены, к кому и с каким вопросом надлежит обращаться, а пациенты. В основном пациенты приходили к главному врачу с жалобами и предложениями. Жалобы большей частью были обоснованными, чего нельзя сказать о предложениях. Желая «улучшить работу поликлиники», народ вдохновенно фантазировал.

Часто предлагали заменить стандартные медицинские банкетки, расставленные в коридорах, на удобные диваны и кресла. Откуда взять деньги на закупку мягкой мебели и каким образом можно разместить ее в узковатых проходах, жаждущих перемен не интересовало. Их дело предложить и ворчать годами по поводу того, что к ним так и не прислушались.

Не менее часто предлагалось увеличить штат врачей вдвое, а то и втрое. Для чего? Ну это же ясно – чтоб очередей было бы меньше? На вопрос: «А где же они все будут помещаться?», один из «рационализаторов» ответил:

– В начале Рязанского проспекта строят огромный торговый центр. Вы бы попросили мэрию, чтобы вашу поликлинику туда перевели. Там и места всем хватит, и нам будет удобно – пришел за покупками и заодно к врачу зашел.

Когда Антон Владимирович рассказал об этом, с позволения сказать, совете приятелям, те ему не поверили. Решили, что сам сочинил.

Мысль о том, что посещение врача неплохо было бы сочетать с закупками, была очень живучей. Раза два в месяц к главному врачу приходили с вопросом – а почему бы ему не устроить в подвале поликлиники социальный магазин? А что, ценная ведь идея. Подвал простаивает, а так бы пользу приносил. Куда девать

стерилизационную, склад, мастерскую поликлинического Самоделкина Петра Алексеевича и кучу других нужных помещений никого не интересовало. Даешь социальный магазин – и все тут!

Многим хотелось, чтобы участковые врачи и сестры ходили по домам не только с пачкой рецептов, но и с чемоданом, набитым лекарствами. Это же так здорово – получить рецепт и отоварить его прямо на дому! Что? Врачи с медсестрами не смогут таскать с собой такую тяжесть? Обеспечьте их автотранспортом! На крайний случай обяжите бегать в аптеку со свежевыписанными рецептами и возвращаться с лекарствами! А то социальных работников пока дождешься…

С лекарствами, то есть не с самими лекарствами, а их выпиской по льготным рецептам была жуткая морока. Да что там морока – мука, настоящая мука! С одной стороны, «льготники», требующие полного обеспечения своих потребностей, а, с другой – негласные нормы выписки (не более определенной суммы в месяц на всю поликлинику), спущенные сверху. Вот и думай, как быть. Выйдешь за рамки дозволенного – получишь нагоняй и будешь покрывать «перерасход» в следующем квартале, деньги, они ведь из воздуха не берутся. Не выпишешь склочному кляузнику какой-нибудь дорогостоящий препарат, предложив заменить его более дешевым аналогом, так он до самого президента дойдет! Начальник окружного управления здравоохранения Элла Эдуардовна Медынская будет ежедневно звонить тебе, требовать, чтобы ты «немедленно остановил этот поток грязи» и делать очень прозрачные намеки на то, что лошадь, которая «не тянет», подлежит замене.

Особая статья – открепленные из различных ведомственных поликлиник. Число подобных учреждений сокращается с каждым годом, подкидывая городским поликлиникам свой избалованный «особым отношением» контингент. Этим не нравится все – начиная с того, как оборудован гардероб, и заканчивая, разумеется, очередями. Куда, скажите на милость, идти им со своей болью? Конечно же – к главному врачу. Он на то и поставлен, чтобы не только отвечать за все, но и отвечать на все вопросы, пусть даже и самые идиотские.

Пока Антон Владимирович тянул свою офицерскую лямку, ему упоительно мечталось о том, как славно заживет он после выхода в отставку. Работа «на гражданке», в сравнении с тяготами и лишениями воинской службы, представлялась ему чем-то вроде активного отдыха. Теперь же, сравнивая городскую поликлинику с гарнизонной, он неизменно приходил к выводу – в армии было и легче, и проще, и вообще как-то спокойнее, что ли. Парадокс! Хоть

обратно форму надевай!

Юлия Павловна «отсекала» от своего шефа три четверти посетителей, умело и прозорливо выбирая лишь тех, кому ни заместители главного врача, ни заведующие отделениями помочь не смогли бы. А если точнее, то тех, кого они не удовлетворили бы. Ведь главный секрет административной работы заключается в том, чтобы выше тебя не уходила бы ни одна жалоба, чтобы на тебе замыкалось и обрывалось все негативное, а наверх отправлялся сплошной позитив. Тут уже надо вникать не в суть проблемы, а в суть человека. Удовлетворится ли он, нажаловавшись на невнимательного уролога не главному врачу, а его заместителю? Или же сочтет, что его «отфутболили», «задвинули», что главный врач попросту отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Тогда – жди беды! Большой беды! Оскорбленное самолюбие возжелает мести, а как можно цивилизованно отомстить главному врачу? Ясно как – нажаловаться в окружное управление, в департамент здравоохранения, в министерство, наконец. Выжившая из ума учительница Сидорова даже уполномоченному по правам человека писала. На то и причина была веская – невнимательность участкового врача Овечкиной, не пожелавшей в сто пятьдесят первый раз выслушивать историю горькой бабкиной жизни и попросившей перейти непосредственно к жалобам.

Пока Козоровицкая занималась с милиционерами, Антон Владимирович был беззащитен, как крепость с гостеприимно распахнутыми воротами. Слава богу, день выдался не особо кляузный, наверное, сказывалось приближение Нового года. За час с небольшим у главного врача побывало только три посетителя.

Первой оказалась активная до самозабвения общественница Изабелла Соломоновна Кобзарь, хорошо знакомая всей поликлинике. Сегодня она пришла пожаловаться на грубость сотрудниц регистратуры. Изабеллу Соломоновну следовало слушать внимательно, не перебивая и не возражая. Тогда она быстро выплескивала принесенную эмоцию и успокаивалась где-то на неделю. В противном случае, если Изабелле Соломоновне не давали выговориться, эмоция начинала бродить внутри и никто не знал, никому не дано было знать, что могло получиться в результате этого брожения. Мог получиться громкий скандал со слезами и причитаниями (Изабелла Соломоновна была актрисой, и не простой, а заслуженной актрисой Каракалпакской АССР), а могла выйти и жалоба в департамент.

– Ах, Изабелла Соломоновна, вы просто читаете мои мысли, – сказал главный врач, когда гражданка Кобзарь наконец-то умолкла. – Регистратура – это моя вечная головная боль. Нормальные люди туда работать не рвутся, на такую-то зарплату, а от ненормальных одни проблемы. Прямо и не знаю, что делать…

– А вам по должности положено это знать! – вставила вредная старуха.

– Я понимаю, – не стал спорить Антон Владимирович. – Пора мне, наверное, на пенсию. Вот как пройдет Новый год, так и скажу в управлении: «ищите мне замену и побыстрее». Вы не представляете, как я устал от всего этого! Нет, пора, пора на пенсию!

– Да что вы, Антон Владимирович! – переполошилась Изабелла Соломоновна, при всей своей склочности обладавшая добрым сердцем. – Вы мужчина в самом расцвете сил, и вдруг на пенсию! Да не обращайте вы внимания на эти мелочи…

– Это не мелочи, Изабелла Соломоновна!

– Мелочи, сущие мелочи! И не спорьте со мной. Я, наверное, и сама виновата, терпения следовало бы иметь побольше, не школьница ведь…

Еще пять минут взаимного рассыпания в любезностях – и Изабелла Соломоновна ушла полностью удовлетворенной на неделю вперед.

Свято место пусто не бывает – почти сразу же в дверном проеме нарисовался сердитый мужчина лет сорока, судя по костюму, выражению лица и манере держаться – из мелких начальников.

– Здравствуйте! Вы главный врач?

Интересно, а кого он ожидал увидеть за столом в кабинете, на двери которого красуется табличка: «Главный врач Загеройский Антон Владимирович»? Рентгенолога? Или подросткового врача?

– Я, садитесь, пожалуйста. Слушаю вас!

С такой публикой следовало держать себя строго официально.

– Гармазкин Илья Николаевич, ведущий специалист сектора спортивно-досуговой работы муниципалитета.

«Видно птицу по полету, добра молодца по соплям», – подумал Антон Владимирович, совершенно не впечатленный должностью Гармазкина.

– Я только что был у вашего уролога Сабурова…

Опять этот Сабуров! Антон Владимирович терпел уролога только из-за размеров ежемесячно выплачиваемой им дани. Алкаш, конечно, и грубиян вдобавок, но работать, то есть выколачивать из пациентов деньги, умеет превосходно. Что да то да.

– Он поставил мне диагноз хронического простатита и помимо прочего порекомендовал курс лечебного массажа предстательной железы. Я ответил, что ввиду своей занятости ходить на массаж не могу, тогда доктор предложил, чтобы массаж мне делала моя жена, в домашних условиях. Я был немного шокирован этим советом, но ответил, что моя жена не станет этим заниматься, так как она не имеет медицинского образования, и вообще я постеснялся бы попросить ее о чем-то подобном. Вот вы попросили бы свою жену о подобной м-м-м… услуге?

– Ну, если это нужно для здоровья, то почему бы и нет? – соврал Антон Владимирович.

– Вы, медики, как-то иначе смотрите на эти вещи. Не знаю, не знаю… Ну да ладно, дело не в этом, а в том, что дальше посоветовал мне уролог. Он сказал: «Ну раз так, то найдите себе любовника»! Вы представляете?!

– Что? – не поверил своим ушам Антон Владимирович.

– Найдите себе любовника!

– Вы не…

– Я не ослышался и не преувеличиваю! Я дословно передаю его слова! Хотите, скажу, что я услышал в ответ на требование извиниться передо мной?

– Не надо, – отказался Антон Владимирович. – Я и так могу представить. Вы не будете любезны подождать пять минут в приемной?

– Буду!

Как только ведущий специалист сектора спортивно-досуговой работы муниципалитета скрылся за дверью, Антон Владимирович снял трубку внутреннего телефона и набрал единицу, четверку и семерку – номер телефона в кабинете уролога.

– Сабуров!

– У меня сейчас сидит Гармазкин…

– Какой Гармазкин, Антон Владимирович?

– У тебя еще хватает наглости спрашивать, «какой Гармазкин»?

– А-а, этот хмырь…

– Игорь Сергеевич, слушай меня внимательно и не перебивай! – главный врач еле сдерживался, чтобы не заорать изо всей мочи. – Если ты немедленно не явишься ко мне и не расстелешься в извинениях перед Гармазкиным, то сегодня же получишь на руки трудовую книжку со статьей!

– Что, так сразу со статьей?! – попробовал возмутиться уролог.

– Почему «сразу»? – удивился главный врач. – Ты что, забыл про два строгих выговора – за пьянство на работе и за прогул? Сейчас получишь третий. И клянусь тебе чем хочешь, что я не пугаю, а просто информирую.

– Сейчас приду!

Что-что, а каяться Игорь Сергеевич умел. Исконно русскому человеку так и положено – и нагрешить от души, и каяться так же искренне.

– Простите меня, великодушно, Илья Николаевич… – басил Сабуров, прижав к груди обе ладони.

«Надо же – то якобы фамилию забыл, а тут и имя с отчеством вспомнил!» – подумал Антон Владимирович.

– …сорвалась с языка глупая шу… рекомендация…

– Вы считаете эти слова рекомендацией? – поинтересовался Гармазкин.

– Глупостью я их считаю! Полной глупостью! Абсолютной! И умоляю меня простить! И вы, Антон Владимирович, не сердитесь, пожалуйста, подобное больше не повторится…

Насладившись унижением уролога, Гармазкин сменил гнев на милость и ушел успокоенным. Антон Владимирович завел Сабурова в кабинет и строго сказал ему:

– Ну, то что ты то и дело не можешь удержаться, чтобы не выпить на работе, я еще могу понять – это болезнь у тебя такая. Но вот какого хера ты свой язык так распускаешь, я понять не могу. Если остроумия некуда девать – иди в цирк, клоуном работать! Если же хочешь оставаться у меня, то держи язык, где хочешь, хоть за зубами, хоть в жопе, но воли ему не давай. Вот зачем из ничего на ровном месте проблему создавать?

– Ко мне друг из Астрахани приехал, икорки черной привез, которую сейчас и не купить нигде, – улыбнулся в усы Сабуров. – Я как раз хотел спросить – вы черную икорку уважаете?

– Уважаю, если ей отравиться нельзя…

– Обижаете, Антон Владимирович! – улыбка Сабурова стала шире. – Я первым делом тещу угостил, надо же старших уважать, вчера сами ели. Никаких отрицательных эмоций – одни положительные. Завтра сами убедитесь.

– Иди, работай, – Антон Владимирович дал понять, что инцидент исчерпан.

Третья посетительница была просто дурой. Как еще можно назвать человека, явившегося прикрепляться в поликлинику, не имея на руках полиса обязательного медицинского страхования?

– Я забыла его дома, в Волгограде, вы понимаете – в Вол-го-гра-де? – все повторяла она. – Что ж мне теперь за ним специально ехать? Это такие концы и немалые деньги…

Глубоко посаженные недружелюбные глаза, сжатые в ниточку губы и тяжелый подбородок выдавали в посетительнице человека, руководствующегося в жизни принципом: «а мы постоим – на своем настоим».

– Не хотите ехать – пусть вам его вышлют!

– Так некому высылать! Ну неужели в Москве, в столице нашей родины, мне никто не может дубликат выписать?

– Обратитесь в страховую компанию, которая выдала вам полис, – терпеливо внушал Антон Владимирович. – Не исключено, что в московском офисе вам выдадут дубликат…

– Там точно такие футболисты сидят, – заныла женщина. – Вы все только отфутболивать и умеете…

– Кстати, если вы работаете, то ваш полис вам и не нужен, потому что работодатель обязан получить на вас временный московский полис, по которому вы и будете получать медицинские услуги в полном объеме.

– Мой работодатель меня не оформляет. Говорит, что яйцами торговать можно и так. Вот вы когда-нибудь торговали яйцами на морозе? А?

Тут, на счастье, возвратилась Юля, доложила, что все в порядке, милиция уже ушла, сразу же выдернула посетительницу из кабинета, доходчиво объяснила ей, что без полиса никого, никогда и ни к какой поликлинике не прикрепят, и заняла круговую оборону в приемной. Антон Владимирович вздохнул с облегчением и попросил спасительницу пригласить к нему главного бухгалтера Нину Львовну – по понедельникам у них было заведено совещаться с глазу на

глаз.

– На будущий год нам нужно новое положение по надбавкам стимулирующего характера… – начала главный бухгалтер, еще не успев усесться за стол.

– Так в чем же дело, Нина Львовна? Готовьте, я подпишу.

– И объясните, пожалуйста, вашему Низматову, что воскресное дежурство праздничным не является и в двойном размере никогда не оплачивалось и не будет оплачиваться. Я его в следующий раз просто пошлю! Достал уже!

Доктор Низматов вообще был человеком со странностями. То прямо в халате уйдет из поликлиники на вызовы, то выпишет в качестве снотворного тетрациклин, то вместо «сейчас я осмотрю ваши молочные железы с целью выявления уплотнений и опухолей» попросту скажет «дай сиси потрогать» и нарвется на скандал.

– Приглашаю Джамшида Шарифовича к себе на беседу, – говорила заведующая первым отделением Воскресенская, – гоняю его по всей терапии, рассуждаю за жизнь и нарадоваться не могу, какой умный доктор у меня работает! А только до дела дойдет – куда весь ум девается.

Увольнять Низматова заведующей не хотелось – он безропотно тянул самый дальний и самый неудобный участок номер тринадцать. Участок этот не только тянулся тонкой нитью вдоль железной дороги более чем на полтора километра (это ж сколько беготни!), но вдобавок был заселен далеко не самым лучшим в смысле побочных заработков контингентом. Люди побогаче старались убраться подальше от железнодорожного шума, обменяв квартиру с теми, кто интересовался доплатой.

– Да не вступайте вы с ним в разговоры, – посоветовал Антон Владимирович. – Отправляйте к Воскресенской. У каждого свой крест, вот он – ее крест. Персональный.

– Главное то, Антон Владимирович, что я половину его слов не понимаю! Как же он с больными-то общается?

– Разве больным от врача разговоры нужны, Нина Львовна? Рецепты им нужны и направления. С этим Низматов справляется превосходно. Его на участке даже любят…

– За что?

– Он душевный, у них в Средней Азии так принято. Всегда спросит как, мол, дети, как внуки, за жизнь поговорит. Хоть и не совсем понятно, но все же. Потому и ползает по вызовам до восьми вечера. Но он у нас единственный участковый врач, получивший в этом году письменную благодарность от пациента. Причем дед не только мне написал, но и в департамент. Хоть и небольшой, а все же плюс нашей поликлинике. Мы ведь привыкли уже, что на нас только жалуются.

– К плохому, Антон Владимирович, привыкаешь еще быстрее, чем к хорошему.

– И не говорите…

После ухода Нины Львовны в кабинет заглянула Козоровицкая.

– Звонила Дунаева, Антон Владимирович, и сказала, что будет подавать на нас в суд.

Дунаева была санитаркой, уволенной за прогулы.

– Пусть подает, Юля! У нас все правильно оформлено…

– Я знаю – оформлено идеально, – улыбнулась Козоровицкая, сама и оформлявшая увольнение по статье. – Просто я подумала, что вам следует быть в курсе.

– Верно подумала, – одобрил Антон Владимирович. – Пригласи, пожалуйста, ко мне Литвинову, Пахомцеву и Баринову. Только не поодиночке, а скопом!

– Сейчас, Антон Владимирович.

Тема для обсуждения с заместителями (главная медсестра это ведь тоже, в сущности, заместитель главного врача) была одна – подготовка к Новому году, иначе говоря, все ли сделано для того, чтобы во время долгих праздников поликлиника работала бы должным образом, без сбоев и косяков. Когда совещание подошло к концу, Пахомцева сказала:

– Не нравится мне наш новый физиотерапевт, Антон Владимирович…

– Всем кто-то не нравится, Татьяна Алексеевна, – оборвал ее главный врач, – кому Сабуров, кому Низматов, а кому и физиотерапевт Данилов. Только мне все нравятся, и знаете почему? Да потому что у каждого из вас голова болит за свою епархию, а у меня одного – за всю поликлинику. Это же не вам звонят из округа и интересуются – решаем ли мы вопрос с физиотерапевтом, потому что есть жалобы как от населения, так и от соседних поликлиник, которые не горят желанием принимать наших больных. Это не вы чуть ли не каждый день слышите: «не можешь обеспечить, не справляешься – уходи». Это не вы отдуваетесь на окружных и городских совещаниях…

Лицо Пахомцевой на глазах наливалось свекольным цветом.

– Так что пора вам всем наконец осознать реалии нашей работы, – демонстрируя начальственный гнев, Антон Владимирович ударил ладонью о стол, – и научиться работать с тем, что вы имеете. Учите, воспитывайте, подтягивайте, на то вы и администрация, но не бегайте ко мне жаловаться! Вы не школьницы, а я вам не добрая мамочка!

– Вы наш добрый папочка! – вставила Баринова, желая разрядить обстановку.

– Спасибо, доченька! – под взглядом главного врача Баринова съежилась, уменьшившись в объеме чуть ли не вполовину.

Выдержав долгую паузу, Антон Владимирович сказал:

– Все свободны!

Заместителей словно ураганом вынесло за дверь.

«Распустились, – подумал Антон Владимирович. – Папочку себе нашли. Тут с двумя родными дочерями не знаешь, что делать…»

Маленькие дети – маленькие проблемы, большие дети – большие проблемы. Старшая дочь Антона Владимировича развелась с мужем (по правде говоря, он сбежал от нее, не выдержав бесконечных придирок) и теперь страдала от одиночества. Страдала открыто, напоказ, обвиняя родителей во всех своих несчастьях.

– Ольга права, – сказал однажды жене Антон Владимирович, – это мы во всем виноваты. Все баловали, да баловали…

– Дом, это тебе не казарма! – обиделась жена и дулась несколько дней.

Если старшая дочь хотя бы потрудилась получить специальность и работала логистиком в крупной фирме, занимающейся производством упаковки, то младшая продолжала сидеть на шее у родителей. Окончила художественно-промышленную академию, бывшее Строгановское училище и уже который год самозабвенно искала свое место в искусстве. До преподавания в художественной школе или дизайнерской работы не снисходила, считая эти занятия неподходящими для себя. Сидела дома, рисовала какие-то непонятные Антону Владимировичу картины, рассуждала о засилье бездарностей, мечтала о персональных выставках в Лондоне, Париже и Нью-Йорке, короче говоря постепенно превращалась в непризнанного гения, едва ли не самую худшую человеческую ипостась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/andrey-shlyahov/doktor-danilov-v-poliklinike-ili-dobro-pozhalovat-v-ad

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити